

Анна Иоановна

Ночь с 18 на 19 января 1730 года для многих в Москве была бессонной. В императорской резиденции – Лефортовском дворце, что находился на реке Яузе, умирал император Петр II Алексеевич. Эта ночь была страшной для России. Умер не просто император, самодержец, четырнадцатилетний мальчик, которому бы жить и жить, умер последний прямой потомок мужской ветви династии Романовых, восходящей к основателю и первому царю династии Михаилу Федоровичу. Кто унаследует трон? – думал каждый, кто был в ту ночь в Лефортовском дворце. В русской истории уже не раз бывало, что после смерти государя, не оставившего прямого наследника, ужас междоусобицы надвигался на страну. Еще жива была память о страшных годах Смуты начала XVII века. Памятны были и события весны 1682 года, когда умер бездетный царь Федор Алексеевич. Тогда стрельцы, умело подогреваемые и направляемые царевной Софьей, бросились убивать и грабить сторонников семьи нового, только что избранного царя, Десятилетнего Петра I.

Еще живы были и воспоминания о январе 1725 года. Смерть Петра I, также не оставившего завещания, чуть было не привела к открытому столкновению придворных группировок. И теперь, пять лет спустя, призраки Смуты снова могли восстать из своих могил. В ту зимнюю ночь 19 января 1730 года в Москве, в Лефортовском дворце, решалась судьба России – спавшей и ни о чем еще не ведавшей огромной страны...

Петр II не оставил ни наследников, ни завещания, и люди, оказавшиеся во дворце ночью 19 января 1730 года, мучительно думали над одним вопросом: кто придет к власти? Будут это потомки Петра I от брака с Екатериной I: его двадцатилетняя дочь Елизавета Петровна или двухлетний внук Карл Петер Ульрих – сын тогда уже покойной Анны Петровны и герцога Голштинского Карла Фридриха? А может быть, как после смерти последнего царя из древней династии Рюриковичей, на престоле окажется новая династия? Именно об этом страстно мечтали князья Долгорукие. Они тоже принадлежали к Рюриковичам, хотя и к их побочной ветви и почти всегда были в тени. Лишь в короткое царствование Петра II они, благодаря фавору Ивана Долгорукого, выдвинулись на первые роли в государстве и достигли многого: богатства, власти, высших чинов. Особенно преуспел отец фаворита, князь Алексей Григорьевич, обручивший свою дочь с царем 31 ноября 1729 года. Свадьба же была назначена на 19 января 1730 года. Казалось, вот-вот, еще немного – и Долгорукие породнятся с царствующей династией и станут недостижимы для всех своих врагов и недоброжелателей. Каково же было их отчаяние, когда стало известно о смертельной болезни царя-жениха! Нужно было что-то делать!

И вот 18 января в доме А.Г. Долгорукого собрались его родственники на тайное совещание. После недолгих препирательств было составлено подложное завещание, которое решили огласить, как только Петр II навечно закроет глаза. Согласно этому завещанию, царь якобы передавал престол своей невесте, княжне Екатерине Алексеевне Долгорукой. Князь И.А.

Долгорукий даже расписался за царя на одном из экземпляров завещания. Как решились Долгорукие пойти на это? Они ведь вовсе не были наивными простаками, которые не понимали, что, готовя фальшивку, совершают страшное государственное преступление. Мы не знаем, что больше двигало ими – легкомыслие, наглость, уверенность в безнаказанности или отчаяние. Зато до нас дошло мнение современников о том, что никто из клана Долгоруких не блистал умом. Как известно, это качество в политике очень существенно.

Тотчас после смерти Петра II в Лефортовском дворце собрался Верховный тайный совет. Кроме четырех членов Совета: канцлера Г.И. Головкина, князя Д.М. Голицына, князей Алексея и Василия Долгоруких, на Совет были приглашены два фельдмаршала – князь М.М. Голицын и князь В.Л. Долгорукий, а также сибирский губернатор князь М.Л. Долгорукий. Итого двое были из клана Голицыных и четверо из клана Долгоруких. Как только началось совещание, князь Алексей Долгорукий выложил на стол «завещание» Петра II. Но замысел этот, казавшийся Долгоруким таким тонким и умным, тотчас провалился. Несостоявшегося царского тестя не поддержали ни Голицыны, ни даже фельдмаршал Долгорукий, чье слово старого военачальника было весомо. Неминуемо назревавший скандал был предотвращен неожиданным образом.

Слово взял самый авторитетный и умудренный жизненным опытом член Совета – князь Дмитрий Михайлович Голицын. Он долго служил Петру Великому, был умен и образован, осуждал крайности петровских реформ и сокрушался «унижению» древних, знатных фамилий, которые ни во что не ставил великий преобразователь России. Речь Голицына была кратка и взвешенна. Отметая династические претензии Долгоруких, он сказал, что «нам нужно выбрать из прославленной семьи Романовых, и никакой другой. Поскольку мужская линия этого дома полностью прервалась в лице Петра II, нам ничего не остается, как обратиться к женской линии и... выбрать одну из дочерей царя Ивана».

Иван V, брат и соправитель Петра I в 1682–1696 годах, оставил после себя трех дочерей: Екатерину, герцогиню Мекленбургскую, Анну, герцогиню Курляндскую, и царевну Прасковью. Голицын предложил в императрицы среднюю – Анну. Неожиданное это предложение устроило всех присутствующих: и обиженных Долгоруких, и других сановников, которые боялись прихода к власти потомков Петра I и Екатерины I. Поэтому аргументы князя Дмитрия в пользу подобного выбора показали всем неотразимыми: Анна вдова, но еще в брачном возрасте и в состоянии народить наследников, и, самое главное, «она рождена среди нас и от русской матери в старой хорошей семье, мы знаем доброту ее сердца и прочие ее прекрасные достоинства».

Верховники внимательно слушали князя Дмитрия: кандидатура вдовой герцогини Курляндской представлялась им всем идеальной еще и потому, что Анна не пользовалась никаким влиянием при дворе, ее никто не опасался, наоборот – все рассчитывали извлечь из ее воцарения немалую для себя пользу. «Виват, наша императрица Анна Иоанновна!» – закричали верховники. Но Голицын еще не кончил свою речь. Дождавшись тишины, он

сказал то, что заставило всех присутствующих раскрыть от удивления рты и впасть в сосредоточенную задумчивость. А задуматься было над чем. Голицын сказал, что нужно «нам себе жизнь облегчить, свободы себе прибавить», ограничив власть новой государыни в пользу Верховного тайного совета, членами которого все присутствующие являлись.

К идее обуздания самодержавия Д.М. Голицын шел давно. Голицын был человек образованный, он имел прекрасную библиотеку, много читал, сопоставлял и размышлял, дружил с учеными. Прожив на свете семьдесят два года, Голицын многое повидал. Петровские реформы, перевернувшие жизнь страны, протекали у него перед глазами. Голицын видел явные преимущества петровского государства, но его – вельможу, знатного по происхождению и немолодого по возрасту, коробило то пренебрежительное, уничижительное отношение к родовитым дворянам, которое демонстрировали Петр и его незнатные выдвигенцы – такие как Меншиков, Ягужинский и им подобные. Да и сам князь Дмитрий за свою долгую жизнь не раз испытал и унижение и страх.

И вот со смертью Петра II вдруг появилась возможность резко изменить ситуацию в пользу родовитой знати. Предложение Голицына о выборе на престол заведомо слабой правительницы, какой всем казалась Анна, да еще при условии ограничения ее власти Советом, состоявшим в основном из знатных вельмож, устраивало и Голицыных и Долгоруких. Такое предложение позволяло им даже забыть ту вражду и соперничество, которые разделяли эти два клана в царствование Петра II, да и раньше.

Осторожный В.Л. Долгорукий, правда, засомневался: «Хоть и начнем, да не удержим!» – «Право, удержим!» – уверенно отвечал князь Дмитрий и предложил закрепить ограничение царской власти особыми условиями – «кондициями», которые должна была подписать новая государыня перед вступлением на престол. И тут произошло неожиданное: верховники позвали секретаря и стали, теснясь вокруг его стола и перебивая друг друга, диктовать кондиции. Бедный чиновник оторопел от этого лихорадочного, уже ничем не прикрытого хищного порыва кучки властолюбивых стариков. Он не знал, кого слушать. Тогда черновик вырвали у него из рук. За стол сел сначала один, потом другой вельможа, не прошло и часа, как кондиции были готовы. Они запрещали императрице без разрешения Верховного тайного совета вести войны, назначать налоги, расходовать казенные средства, жаловать кого-либо деревнями, чинами, командовать армией и гвардией. «А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, – заканчивался документ, – то лишена буду короны Российской». Вечером 19 января в Курляндию поспешно выехали В.Л. Долгорукий и М.М. Голицын – младший брат Д.М. Голицына. Они повезли Анне Иоанновне кондиции...

Вечером 18 января 1730 года тридцатисемилетняя герцогиня Курляндская Анна Иоанновна, как обычно, отправилась почивать. А наутро она проснулась уже императрицей России, повелительницей одной из самых могущественных держав мира. Но в то утро, и в следующее, и еще несколько дней и ночей она не знала своей совершившейся судьбы: слишком далеко была от Москвы заснеженная тихая Митава – столица маленького

герцогства Курляндии, что располагалось на территории современной Латвии. Только через неделю, 25 января вечером, в Митаву прибыла делегация верховников, чтобы пригласить Анну на престол. Она сразу же приняла посланников Москвы. Князь Долгорукий объявил герцогине, вышедшей к ним в скромную приемную залу, о смерти Петра II и об избрании ее императрицей – конечно, если она подпишет кондиции. Анна Иоанновна «изволила печалиться о преставлении Его величества, – писал в своем донесении в Москву В.Л. Долгорукий, – а потом, по челобитью нашему, велела те кондиции пред собой прочитать и, выслушав, изволила их подписать своей рукою так: «По этому обещаю все без всякого изъятия содержать. Анна».

Письмо Долгорукого чисто деловое, оно не отражает психологической картины происшедшего. Не думаю, чтобы князь Василий – опытный дипломат, хорошо знавший герцогиню по прежним встречам, – особенно волновался. Дело его было бесприоритетное. Он по поручению Совета диктовал Анне условия: хочешь – подписывай кондиции и будешь императрицей, а не хочешь – курляндствуй дальше! У тебя есть еще две сестры, они-то вряд ли откажутся от императорской короны! Не знаем мы и о переживаниях самой Анны. То, что она услышала от Долгорукого, не было для нее новостью. Несмотря на заставы, окружавшие Москву по приказанию верховников, из столицы сумел вырваться гонец с письмом графа К.Г. Левенвольде – давнего знакомого Анны. Он-то первым и сообщил ей о происшедшем в Москве. И тогда, и потом, став полновластной государыней, она никогда не сомневалась в своем праве на престол: царевна, дочь царя, она была рождена в законном браке от матери из древнего рода. По чистоте царской крови Анна действительно была из первейших. Недаром впоследствии она злорадно потешалась над Елизаветой – дочерью прачки Екатерины I – и над ее многочисленной крестьянской родней – Скавронскими. Кроме того, Анна хорошо помнила предсказание юродивого матери Тимофея Архипыча, который ей, тогда еще девочке, напрогнозировал корону и трон. К таинственным и темным словам всяких юродивых суеверная Анна, как и многие ее современники, всегда жадно прислушивалась – ведь они могли заглянуть в будущее. А происшествия на кривых дорожках истории подчас неожиданно подтверждали точность этих пророчеств.

Но главное все же заключалось в другом: Анна подписала бы все, что угодно, лишь бы вырваться наконец из захолустной Митавы, прервать унылую череду долгих лет своей убогой, неинтересной жизни, насладиться пусть не властью, но хотя бы почетом, достатком и покоем. Ей так хотелось выйти из Успенского собора Кремля с императорской короной на голове, под звон колоколов, грохот салюта, восторженные крики толпы. Конечно, она не могла не использовать внезапно открывшийся перед ней чудесный шанс. Свой отъезд из Митавы – как оказалось, уже навсегда – Анна Иоанновна назначила на 29 января.

В тот день царский поезд двинулся по заснеженным дорогам на восток. Б.Л. Долгорукий, как цербер, не отходил от императрицы и даже ехал с ней в одних санях – он боялся как бы Анна не узнала о тайных замыслах верховников. Две недели в пути – времени достаточно, чтобы и насладиться картинами зимней природы, и испытать всевозможные дорожные

неудобства, и вспомнить всю прошлую жизнь. Для этого было самое время – ведь Анна оказалась на очередном переломе своего земного пути...

Жизнь ее сложилась неудачно. Она была исковеркана чужой могучей волей, подчинена чужим интересам, прошла в страхе, унижении, бедности, без тепла и семьи. А ведь началось все так лучезарно: 28 января 1693 года в Кремле родилась царская дочь. Сохранившиеся до наших дней великолепные кремлевские дворцы и церкви дают представление о той неземной красоте, которая окружала новорожденную царевну. Блеск золота и серебра, яркие цвета настенных росписей, тисненные золотом кожи, восточные ковры, немыслимой красоты сочетания желтого, голубого, лазоревого, алого, – все это создавало впечатление праздника, рая. Но рая на земле, как известно, уже давно нет – жизнь в кремлевских дворцах и крестьянских избах подчинена общим законам любви и ненависти, голода и сытости, болезни и смерти.

Вряд ли Анна помнила отца – царь Иван V умер, когда ей было всего три года. Во всем его облике отчетливо проступали признаки вырождения: слабоумный, косноязычный и немощный с детства, Иван был не способен к ремеслу царей. Но волею властолюбивой старшей сестры Софьи он в 1682 году был сделан соправителем своего брата – Петра I. Софья всегда стояла за спиной Ивана. Именно она заставила восемнадцатилетнего царя в 1684 году жениться – от Ивана был нужен наследник. Это позволило бы продлить ее власть правительницы и устранить от престола Петра. В невесты Ивану подобрали здоровую, как говорят, кровь с молоком, двадцатилетнюю русскую красавицу Парашу – Прасковью Федоровну из боярского рода Салтыковых.

Ходили упорные слухи, что царь Иван к брачной жизни был еще менее способен, чем к государственному правлению, и что настоящим отцом Анны и ее сестер был стольник Василий Юшков, к которому действительно весьма благоволила царица Прасковья, награждая его не по чину богатыми подарками, деревнями, драгоценностями и деньгами. Кто знает истину? Первые пять лет брак оставался бесплодным, а потом Параша родила пять дочерей и среди них – в 1693 году – Анну. Две девочки умерли в младенчестве, остальные: Екатерина, Анна и Прасковья – выжили. После смерти Ивана царица с тремя девочками окончательно покинули Кремль и переселились в загородный дворец Измайлово. Именно с подмосковным селом Измайлово были связаны самые ранние и, вероятно, лучшие воспоминания безмятежного детства Анны. Измайлово конца XVII века – тихий, зеленый уголок, где как бы остановилось время. Австрийский дипломат Корб, побывав там, назвал Измайлово «волшебным убежищем». На острове, окруженном кольцом прудов, стоял деревянный, причудливой формы дворец. Вокруг радовали глаз клумбы с роскошными заморскими цветами: лилиями, розами, тюльпанами. А дальше – за прудами, вдоль речки Серебровки, сколько хватало глаз – цвели сады, яблоневые, вишневые, сливовые. В Измайлово имелись оранжереи, где для царского стола зрели мандарины, виноград и даже ананасы. Украшением усадьбы были зверинец и птичник с десятками зверей и птиц. Тенистые рощи, благоухающие кусты терновника и барбариса вдоль уютных тропинок... Одним словом, простор, покой и прохлада.

В окружении сонма няnek и мамок царевны гуляли в садах, качались на качелях. В непогоду царевны сживали в светелках, вышивали шелком и золотом, слушали сказки и песни. Во дворце был свой оркестр, и, как пишет Корб, «нежные мелодии флейт и труб соединялись с тихим шелестом ветра, который медленно стекал с вершин деревьев». Уже став императрицей, Анна помнила Измайловские годы. В честь своего отчего дома она учредила Измайловский гвардейский полк, подобно тому как ее дядюшка создал Преображенский и Семеновский полки, запечатлев таким образом названия родных для него мест. С малых лет царевен учили азбуке по «Букварю с нравоучительными стихами» Кариона Истомина. Письмо постигали, списывая с прописей – кратких двустижий. Надо сказать, что учили царских дочерей плохо – писала Анна всю жизнь ужасно: коряво и безграмотно. Новое в воспитании царевен пришло с иностранными учителями. Немец И.Х.Д. Остерман преподавал девочкам немецкий, а француз Рамбург – танцы и французский. Но Анна языка Вольтера и Мольера так толком и не выучила. Плохо было и с танцами: неуклюжей и немзыкальной Анне танцевальные фигуры не удавались – не то что полненькой, но ловкой и вертлявой старшей сестре Екатерине.

Бывая в Москве, Петр посещал и Измайлово. К невестке Прасковье он относился хорошо. У нее – женщины необразованной и не особенно умной – все же хватало разума и такта не лезть к нему с советами, не путаться с врагами царя-реформатора, покорно принимать пусть и непонятные (а часто и неудобные) нововведения в быту и досуге. И Петр это по-своему ценил: после ссылки жены Евдокии в монастырь царица Прасковья да еще несколько сестер оставались для него наиболее близкими людьми. В 1708 году по царскому указу Прасковья с дочерьми, как и другие родственники Петра, переселилась в Петербург, любимый царем «парадиз».

Приехав из Москвы с огромным обозом, семья вдовой царицы Прасковьи поселилась в приготовленном для нее доме на Петербургской стороне, неподалеку от Петропавловской крепости. Дом был построен в новом западном стиле и потому жителям Измайлова казался уютным и удобным. Это был совсем другой, незнакомый мир, бесконечно далекий от Измайловского убежища. Но делать было нечего. Против воли царя не пойдешь, как и не признаешься ему, что побаиваешься воды.

В туманном, сыром Петербурге, которому от роду было всего пять лет, кончилось для дочерей Прасковьи детство. Наступила юность. Девиц стали вывозить в свет. Вчерашние Измайловские затворницы теперь участвовали в придворных празднествах, посещали ассамблеи, плавали на шлюпках и яхтах по Неве, бывали с дядюшкой в Кронштадте. Новый, непривычный мир!

Анне жилось невесело. Здесь, в Петербурге, особенно отчетливо проявилась неприязнь к ней матери. Средняя дочь чем-то постоянно раздражала царицу Прасковью. Она росла

молчаливой, даже угрюмой, несклонной к сердечным беседам с матушкой. Кажется, что само присутствие угловатой, некрасивой дочери выводило Прасковью из себя. Зачастую неприязнь к одному ребенку – верный признак чрезмерной любви к другому. Так оно и было: царица без ума любила старшую дочь Екатерину, которую называла в письмах «Катюшка-свет». Веселая хохотунья и болтушка, Екатерина всегда была с матерью.

В целом же атмосфера дворца Прасковьи была тяжелой. Здесь царили сплетни и склоки придворных, которые Прасковья с удовольствием самолично разбирала. Особенно неуживчивым был брат царицы Василий Салтыков. Он заправлял всеми делами при дворе, и его происков Анна боялась больше всего. «Истинно, матушка моя, доношу, – писала Анна. Курляндская герцогиня, царице Екатерине I из Митавы, – несозна как нами ругаютца! Если бы я теперь была при матушке, чаю, чуть была бы жива от их смутак». Жалуясь на свою жизнь, герцогиня Курляндская просит добрую к ней царицу помочь, но при этом предупреждает: «Еще прошу, свет мой, штоб матушка не знала ничево». Читателю, знающему по общему курсу русской истории только угрюмую, капризную и подозрительную Анну-императрицу, следовало бы задуматься – а откуда могли прийти сердечность, теплота и обаяние к этой женщине, бывшей с малых лет нелюбимым ребенком в семье, обузой, от которой стремились как можно скорее избавиться? Если бы Анна родилась не в конце, а в начале XVII века, то ее судьба была бы известна с первого часа и до последнего: царские палаты зимой, загородный дворец летом, церковь почти ежедневно, а к старости – монастырь и, наконец – фамильная усыпальница в Кремле. Царевен – царских дочерей и сестер – не выдавали замуж. Православие не позволяло им выйти за иностранного принца и переменить веру, а старинный, обычай запрещал заключать брак царской дочери с русским вельможей, ведь все подданные русского царя считались рабами.

Но с Петра Великого в династической политике начались новые, революционные времена. Петр решил накрепко связать Романовых кровными узами с иностранными династиями. В 1709 году при встрече с прусским королем Фридрихом I он договорился о женитьбе племянника короля, герцога Курляндского Фридриха Вильгельма, на одной из своих племянниц. Выбор невесты царь предоставил царице Прасковье, и она вопреки традиции решила первой выдать замуж не старшую, любимую Катюшку, а среднюю дочь – Анну. К тому же приехавший в 1710 году в Петербург жених будущей теще не понравился: слишком молодой, худосочный, выпивоха. Да и герцогство его было бедное, разоренное войной владение, меньше нашего Рязанского уезда! В общем, жених незавидный, Прасковья решила – пусть идет за него Анна.

О ее чувствах к жениху никто не спрашивал – принято не было: царь-дядя с матушкой порешили выдать замуж, вот и все. Свадьба была назначена на осень 1710 года. Тридцать первого октября началась торжественная церемония, какой еще не видали берега Невы. Венчание состоялось во дворце Меншикова на Васильевском острове, где сыграли и свадьбу. Руководил всем действием сам царь. Гремела музыка, салютовали войска и корабли с Невы. Никогда раньше наша героиня – «гадкий утенок» русского двора – не попадала в центр всеобщего внимания. Одета она была эффектно и по-царски великолепно. Смолянью

черноту ее волос оттеняла бриллиантовая корона, а белая бархатная роба и длинная, тоже бархатная, подбитая горностаями мантия очень шли к ее высокой и ставшей вдруг величественной фигуре. В белом с золотом кафтане был и юный жених.

До трех часов утра гости пили-ели, плясали, курили трубки. Каждый тост сопровождался залпом орудий, и по обычаю петровских времен к концу свадьбы залпы звучали все чаще и чаще, так что упившиеся гости едва могли держать в руках заздравные чаши. Ночное небо озарялось фейерверком, который поджег с риском для жизни сам царь. Наконец уставших новобрачных проводили в опочивальню.

Потом состоялась грандиозная (если можно применить здесь это слово) свадьба царского карлика Екима Волкова. Специально на эту потешную свадьбу свезли со всей страны более семи десятков лилипутов. Думаю, что Анне, как и всем гостям, понравилась и церемония венчания, и пир карликов. Ведь зрители были детьми своего века и от души потешались над разнообразием человеческого несчастья, видя в этом «кунст» (редкость), забавную живую карикатуру на нормального человека. Мы ничего не знаем о том, как семнадцатилетние молодожены начинали свою совместную жизнь. Возможно, они стали уже привыкать друг к другу и к своему новому положению, может быть, они бы и слюбились, если бы...

Петр не дал молодоженам прохладиться в Петербурге. Спустя два месяца после свадьбы – 8 января 1711 года – герцогская чета отправилась домой, в Митаву. Но доехала она только до первой почтовой станции – Дудергофа. Там Фридрих Вильгельм, утомленный непрерывными петербургскими попойками, внезапно умер. Тело герцога повезли в Митаву, в родовую усыпальницу, а несчастная юная герцогиня, ставшая на третьем месяце своего супружества вдовой, в слезах вернулась обратно, во дворец своей матушки, что, надо полагать, не доставило обеим радости. Правда, Анна могла облегченно вздохнуть: ведь ей теперь уже не нужно было ехать в «чужую землю, басурманскую». Но будущее казалось ей мрачным – печальной и унижительной была на Руси судьба бездетной вдовы. Если не находили для нее нового супруга, она должна была уйти в монастырь.

Впрочем, Анна надеялась на дядюшку – он, мол, не оставит ее без внимания и что-нибудь придумает. А пока она жила то в Петербурге, то в Москве, то в Измайлове с матерью и сестрами. И только через полтора года Петр окончательно решил участь племянницы: он приказал ей ехать в Митаву и жить там. Поначалу царь намеревался отправить с Анной в Курляндию и ее мать, и обеих сестер – Екатерину и Прасковью, но потом передумал, и летом 1712 года Анна одна снова отправилась на чужбину.

Наивно было бы думать, что герцогство стало ее владением, где она могла бы чувствовать себя полновластной хозяйкой. Курляндия была государством, сопредельным Пруссии, Польше и России. И каждая из этих держав мечтала прибрать ее к рукам. Царь много сделал

для усиления русского влияния в герцогстве. Брак Анны с Фридрихом Вильгельмом был одним из шагов на этом пути. Петр давно бы оккупировал Курляндию, но обострять отношения с Пруссией и Польшей не хотел, и поэтому действовал осторожно и осмотрительно. Присутствие в Митаве племянницы – вдовы герцога – устраивало царя: он теперь всегда мог прийти ей на помощь и не допустить ничьих посягательств на герцогство.

Вместе с Анной в Митаву приехал русский резидент П.М. Бестужев-Рюмин. Он-то и стал настоящим хозяином Курляндии и, согласно указу Петра, мог в любой момент вызвать солдат из Риги для защиты интересов герцогини. Положение же юной вдовы было незавидное. Своевольное Курляндское дворянство без восторга встретило свою новую повелительницу. Приехав в Митаву, Анна была вынуждена остановиться в заброшенном мещанском доме – герцогский дворец к ее приезду подготовлен не был. Доходы с домена были ничтожны, и их едва хватало на содержание двора. Взыскивать их удавалось с большим трудом: Курляндия была совершенно разорена в Северную войну, сильно пострадала от эпидемий.

Для Анны это была чужая, холодная страна. Ей было неуютно и тревожно жить в Митаве, особенно поначалу. Существование Анны в Митаве можно охарактеризовать тремя словами: бедность, неопределенность, зависимость. Отправив племянницу в Курляндию, царь мало думал об ее обеспечении там деньгами. Между тем она должна была как герцогиня содержать штат придворных, тратиться на приличные государыне туалеты. Каждая поездка в Петербург или Москву становилась проблемой. Всякий раз Анне приходилось выпрашивать на дорогу лошадей и денег. Прижимистый царь Петр баловать племянницу не хотел, и лишней копейки у него было не выпросить. Вообще ее держали в большой строгости. Без ведома царя, его секретаря или Бестужева она не могла истратить ни рубля.

Не вольна она была и во внешнеполитических делах герцогства. Получив какое-либо официальное письмо из-за рубежа, Анна посылала его в Петербург, чтобы там подготовили ответ от ее имени. Отправляясь в Москву на коронацию Екатерины весной 1724 года, она просила царицу указать ей цвет платья для торжественной церемонии. Жизнь ее и складывалась из унижительных мелочей, больших и маленьких страхов. Особенно боялась Анна грозного дядю-царя, который был суров к племяннице и беспощадно отправлял ее обратно в Митаву – по месту «государственной службы» всякий раз, как она приезжала в Россию. По-прежнему тяжелыми оставались отношения с матерью. Царица Прасковья была особенно строга к дочери в последние годы жизни. Лишь незадолго перед смертью, осенью 1723 года, мать простила Анну. А до этого видеться с матерью было для Анны подлинным мучением, и она старалась избегать свиданий.

Перечитывая почти три сотни писем, посланных Анной из Курляндии, ясно видишь: это письма бедной вдовы, нищей родственницы, женщины совершенно беззащитной, ущемленной, униженной и постоянно унижающейся перед сильными мира сего.

Подобострастные письма к дяде Петру и тетке Екатерине сменяются уничижительными посланиями к новым влиятельным людям послепетровской эпохи – к Меншикову, Остерману. Анна не забывает поздравить с каждым праздником домочадцев светлейшего князя, напомнить о себе и своих горестях. С годами Анна привыкла к Митаве и даже не хотела ее покидать – дома, в России, как мы видели, ей бывало хуже. Но она по-прежнему мучилась неопределенностью своего положения. Неоднократно она просила царя и царицу подобрать ей достойного жениха.

Письмо Анны к Екатерине об этом датировано 1719 годом. Шел уже восьмой год вдовства Анны. Нельзя сказать, что Петр не думал о подходящей партии для племянницы, но сделать выбор было весьма сложно: муж Анны становился герцогом Курляндии и мог нарушить то зыбкое равновесие, которое сложилось в герцогстве и вокруг него. В 1723 году был наконец подписан брачный контракт с племянником прусского короля, но потом Петр, не особенно доверяя партнеру, мечтавшему о присоединении Курляндии к Пруссии, разрешения на брак не дал. И снова для герцогини Курляндской потянулись годы ожидания.

В 1726 году вдруг блеснул луч надежды: в Митаву приехал побочный сын польского короля Августа II принц Мориц Саксонский, красавец и сердцеед. Его кандидатура на пустовавший столько лет курляндский трон подошла местным дворянам, которые, вопреки предостережениям из Петербурга, избрали Морица в герцоги. «Моя наружность им понравилась», – победно писал Мориц своим друзьям в Саксонию. А уж как понравилась его наружность Анне! Единственное, что ее огорчало, это непрерывные амурные похождения принца. Пораженный обилием красавиц в этом медвежьем углу Европы, он старался не пропустить ни одной из них. Впрочем, как известно, донжуаны – самые завидные женихи, и Анна погрузилась в сладкие мечты.

Увы! Эти мечты вскоре разбила жизнь: старая покровительница Анны – Екатерина, ставшая к тому времени императрицей, вынесла безжалостный приговор: «Избрание Морица противно интересам русским», так как это усиливало влияние польского короля в герцогстве. В Митаву срочно ехал Александр Меншиков. Он сам мечтал стать герцогом Курляндским. Не зная об этом, Анна чуть ли не бросилась в ноги светлейшему. Меншиков докладывал императрице, что с первой же минуты встречи Анна, «не вступая в долгие разговоры», просила его «с великою слезною просьбою» разрешить ей выйти замуж за Морица. Но князь Меншиков был неумолим: нет, граф должен покинуть Курляндию! Анна, не спросив разрешения, полетела в Петербург, чтобы молить о заступничестве тетки-императрицы. Но все просьбы оказались напрасными, ей отказали. И хотя Меншикову и не удалось добиться избрания в герцоги – слишком грубо и прямолинейно он действовал, Морица с помощью русских солдат все же изгнали из Курляндии.

Со скандальным отбытием Морица сердечные потрясения Анны не закончились. «Экскурсия» ловеласа в Курляндию имела печальные последствия и для Бестужева-Рюмина. Почтенный сановник, опытный царедворец, он был не только русским резидентом в

Курляндии, обер-гофмейстером двора герцогини, но и ее давним любовником. Будучи на девятнадцать лет старше Анны, он соблазнил юную вдову и полностью подчинил ее своей воле. Это, кстати, и стало одной из причин хронического конфликта Анны с матерью, которая не ладила с Бестужевым.

По своему характеру Анна Иоанновна была женщина простая, незатейливая, не очень умная и не кокетливая. Она была лишена честолюбия Екатерины II и не гналась за титулом первой красавицы, как Елизавета Петровна. Всю свою жизнь она мечтала лишь о надежной защите, поддержке, которую мог дать ей мужчина, хозяин дома, господин ее судьбы. Просьбами о защите, «протекции», готовностью «отдать себя во власть покровителю, защитнику» пронизаны Письма Анны к Петру I, Екатерине, Петру II, сановникам, родным. Именно поэтому она так рвалась замуж. Но, как мы видели, жизнь упорно препятствовала исполнению ее желаний. Со временем Бестужев и стал для нее таким защитником, опорой, господином. Это был, конечно, не лучший вариант, но хотя бы какой-то. И Анна жила одним днем, закрывая глаза на грехи своего фаворита, не пропускавшего ни одной юбки.

После провала своей курляндской авантюры Меншиков всю вину за это взвалил на Бестужева, которого отозвали из Митавы в Петербург. И вот по переписке мы видим, что после отъезда резидента Анна впадает в отчаяние, почти в истерику. С июня по октябрь 1727 года она написала подряд двадцать шесть писем всем, кому только было возможно, не обходя просьбами даже свояченицу светлейшего В. Арсеньеву и его дочь Марию, которая стала невестой Петра II. Анна умоляла вернуть Бестужева в Митаву, писала, что без него развалится все герцогское хозяйство. Но Меншиков, прибравший после смерти Екатерины I всю власть к рукам, игнорировал отчаянные мольбы Анны. Тогда она начала бомбардировать письмами вице-канцлера А.И. Остермана, рассчитывая на его заступничество. Царевна, дочь русского царя, в своих письмах к безродному вестфальцу прибегает к оборотам, более уместным в челобитных солдатской вдовы. Отчаяние одиночества выливается в слова: «Воистину [я] в великом горести, и пустоте, и в страхе! Не дайте мне во веки плакать! Я к нему привыкла!» Она убивается по Бестужеву, как по покойнику. Но дело здесь не в особой, беззаветной любви к нему, как это может показаться на первый взгляд. Анна просто не могла и не хотела быть одна, ее страшили пустота, одиночество, холод вдовьей постели.

В конце 1727-го – начале 1728 года в жизни Анны произошли значительные перемены. Речь не идет о ее положении как герцогини. Оно оставалось таким же, как и раньше: безвластие, зависимость, неуверенность. Если раньше она искала покровительства у Меншикова, его жены, его свояченицы, то теперь, после падения светлейшего осенью 1727 года, она пишет подобострастные письма уже князьям Долгоруким, сестре Петра II царевне Наталье, сообщая им, как раньше другим адресатам, что «вся моя надежда на Вашу высокую милость». Самому же Петру II, увлеченному охотой, она намеревается послать «свору собачек». Все было как обычно.

Перемены коснулись ее личной жизни: у нее появился новый фаворит – Эрнст Иоганн Бирон. С этого времени и до конца своих дней она не расставалась с ним. Бестужев, которому после падения Меншикова разрешили-таки вернуться в Митаву, был безутешен – его теплое место под боком герцогини заняли самым коварным образом. Бестужев в отчаянии рвал на себе волосы – ведь он, именно он сам пригнул на своей груди этого негодяя, этого проходимца. «Не шляхтич и не курляндец, – желчно писал Бестужев о Бироне, – пришел из Москвы без кафтана и чрез мой труд принят к [курляндскому] двору без чина, и год от году я, его любя, по его прошению, производил и до сего градуса произвел, и, как видно, то он за мою великую милость делает мне тяжкие обиды... и пришел в небытность мою [в Курляндии] в кредит» к Анне.

И хотя Бирон, вопреки словам Бестужева, был все же и дворянином и курляндцем, в его прошлом было немало темных пятен. Известно, что, учась в Кенигсбергском университете, он попал в тюрьму за убийство солдата в ночной драке студентов со стражей– С большим трудом выбравшись из темницы, он около 1718 года, после неудачной попытки найти службу в Москве, пристал ко двору Анны и действительно благодаря покровительству Бестужева закрепился в окружении герцогини. Он усердно служил, выполняя поручения обер-гофмейстера. Молодой соперник Бестужева (он родился в 1690 году) был малый не промах. Он быстро утешил горевавшую в одиночестве вдову, и Анна полностью подчинилась его влиянию. Бестужев, хорошо знавший обоих, опасался: «Они могут мне обиду сделать: хотя Она [бы] и не хотела, да Он принудит».

Эти опасения оказались не напрасны. В августе 1728 года Анна послала в Москву своего человека с доносом. Она просила разобраться, «каким образом Бестужев меня расхитил и в великие долги привел». Всплыли какие-то махинации бывшего обер-гофмейстера с герцогской казной, сахаром, вином, изюмом. Конечно, дело было не в краденом изюме, а в полной, безвозвратной «отставке» Бестужева, против которого начал умело действовать счастливчик, занявший его место возле изюма и сахара. Бирон был женат на фрейлине Анны Бенигне Готлиб фон Тротта Трейден, и у них было трое детей: дочь и два сына. В исторической литературе существует мнение, что матерью младшего сына Бирона – Карла Эрнста была сама Анна Иоанновна. И дело даже не в особых отличиях Карла при дворе Анны в годы ее царствования, а в том, что императрица никогда не расставалась с ребенком. Отправляясь в январе 1730 года по приглашению верховников в Москву, она взяла с собой минимум вещей и... Карла Эрнста, которому было всего полтора года, причем без матери и отца ребенка. Спрашивается: зачем она взяла с собой этого мальчика? Ведь она ехала не на прогулку, а в тяжелое путешествие с непредсказуемым исходом. Вероятно, потому-то она и взяла с собой сына! Французский посланник маркиз Шетарди в 1740 году сообщал в своем донесении, что молодой принц Курляндский спит постоянно в комнате царицы». Об этом знали и другие современники. Вполне вероятно, что огромное влияние Бирона на Анну было обусловлено и тем, что у императрицы был ребенок от фаворита. Но вся предыдущая жизнь Анны, как и долгий зимний путь, остались позади. Тринадцатого февраля 1730 года она вышла и саней в селе Всесвятском, на пороге Москвы. Совсем рядом шумел своими улицами огромный город – сердце России. Он ждал приезда новой государыни...

А что же происходило в столице, пока новая императрица через великие снега добиралась до Москвы? События развивались стремительно, они оказались неожиданными и непредсказуемыми. Напомню, что депутация верховников отправилась в Митаву с кондициями вечером 19 января, а утром того же дня в Кремль пригласили все «государство» – генералитет, высших чиновников, Синод и придворных. В торжественной обстановке верховники объявили об избрании на российский престол герцогини Курляндской. Присутствующие, проникнутые величием момента, с энтузиазмом одобрили мудрое решение, и все были довольны таким волшебным быстрым разрешением династического кризиса. Вздых облегчения был всеобщим – новая Смута миновала Россию.

Но к вечеру стало известно, что верховники всех обманули, что они скрыли от общества самое главное – кондиции. Дворянскую общественность возмутил не сам факт составления кондиций – мысль о вреде ничем не ограниченной власти самодержца не была новой, а то, что «сокращение» царской власти неминуемо должно было привести к расширению власти двух знатных и древних княжеских фамилий – Голицыных и Долгоруких. Вначале шепотом, с глазу на глаз, а потом все громче рядовые дворяне, собравшиеся в Москву на свадьбу Петра II, а попавшие на его похороны, выражали свое недоумение и неудовольствие происшедшим. Неизвестный автор воспоминаний о 1730 годе, отражая мнение современников, так с горечью писал о замысле верховников: если они думали о благе общества, то зачем же так бессовестно всех обманули – утаили кондиции? «Разве мы, – возмущался этот дворянин, – не все желаем добра и не верны своему Отечеству, одни [ли] они и мудры, и верны, и благосовестны?... Таковым презрением всех, который и честию фамилии, и знатными прислугами не меньше их суть, обесчестили, понеже ни во что всех ставили или в числе дураков и плутов имели?» В 1730 году никто не сомневался, что весь замысел верховников клонился к попытке установить олигархическим строй, узурпировать власть для себя – кучки знатных вельмож из двух кланов. Первые действия верховников подтверждали эти опасения – ведь они ввели в Совет двух новых членов, двух фельдмаршалов: В.В. Долгорукого и М.М. Голицына.

А дальше произошло то, чего никто не ожидал: Москва забурлила, дворяне стали собираться в кружки и обсуждать происшедшее. «Куда ни придешь, – вспоминал Феофан Прокопович, – к какому собранию ни пристанешь, не ино что было слышать, только горестныя нарекания на осмеричных (в Верховном тайном совете было тогда восемь членов. – Е.А.) этих затейщиков, все их жестоко порицали, все проклинали необычное их дерзновение, ненасытное лакомство и властолюбство». Так неожиданно получилось, что те две недели, пока верховники ждали из Митавы подписанные Анной кондиции, оказались временем свободы. В сотнях людей пробудились гражданские чувства. И когда 2 февраля верховники вновь собрали в Кремле «государство» и прочитали кондиции, делая вид, что они сами страшно удивлены и впервые их видят, им никто не поверил. Дерзкий план Д.М. Голицына: представить Анне подготовленные втайне кондиции как мнение «государства», а затем предъявить их дворянству как собственную инициативу императрицы, с треском провалился. Перед верховниками стояли другие люди.

Они – русские дворяне – давно шли к этому моменту. Внедряемые петровскими указами понятия дворянской чести, личной, а не клановой, как в старину, ответственности за поступки, представления о честном, достойном служении Отечеству не исчезли, а, наоборот, закрепились в сознании людей. Общество стало более открытым, чем раньше. Те, кто побывал за границей, видели, что дворянина не только бить, но и пальцем коснуться без приговора суда никто не смел, не говоря уж о казни без суда или конфискации земель, что в России было делом обычным. Кроме того, со смертью Петра Великого исчез сковывавший людей страх, в 1726 году прекратила свою работу Тайная канцелярия, а другой орган политической полиции – Преображенский приказ – был в 1729 году ликвидирован. Известно, что в России общество чутко откликается на малейшее ослабление давления власти, чувствует пусть едва уловимый, но все же ветерок свободы. И за эти две недели тайных разговоров и споров, охвативших Москву, в сознании людей произошли важные изменения. На встрече с верховниками 2 февраля дворяне потребовали разрешить им представить к обсуждению их отличные от правительственного проекты переустройства государства. Под этим сильным напором, стремясь выиграть время, верховники согласились на требования дворян.

Плотину прорвало. В домах знатных особ, в кремлевских палатах закипела работа. По Москве стали собираться многочисленные кружки дворян, которые день и ночь напролет обсуждали, писали и переписывали варианты проектов. Мгновенно появились свои вожаки, тотчас выискались знатоки западных парламентских порядков. Впервые политические противники, не опасаясь доносов и застенка, сталкивались в ожесточенной полемике. В кратчайший срок было составлено более десяти проектов реформ, и под ними подписались не меньше тысячи человек.

Датский посланник в России Г.Г. Вестфален сообщал в Копенгаген, что в Кремлевском дворце непрерывно идут совещания дворян, и «столько было наговорено и хорошего и дурного за и против реформы, с таким ожесточением ее критиковали и защищали, что в конце концов смятение достигло чрезвычайных размеров и можно было опасаться восстания». Никакого восстания не произошло, но в шуме обсуждений верховники не уловили ни одного голоса в поддержку своих намерений. Нет, конечно, практически все дворянские проекты переустройства страны клонились к ограничению власти императрицы, но совсем не по плану верховников, стремившихся сосредоточить всю власть в руках членов Совета. Шляхетство дружно желало создать такую систему правления, которая защитила бы рядовых дворян как от произвола самодержца, так и от всевластия одной – двух аристократических семей. Никогда прежде с такой настойчивостью русские дворяне не требовали участия своих представителей в управлении страной.

Но идти навстречу дворянским прожектерам верховники ни под каким видом не хотели. Поделиться властью с дворянской массой и тем самым действительно послужить своему Отечеству – это князю Голицыну и его товарищам казалось невыносимым. Тринадцатого

февраля, так и не договорившись с дворянством, они узнали о прибытии в Всесвятское государыни императрицы Анны Иоанновны...

Здесь, во Всесвятском, несмотря на старания В.Л. Долгорукого, не отходившего от Анны ни на шаг, изоляция ее кончилась. Через родственников – Салтыковых – и сестер – герцогиню Мекленбургскую Екатерину и царевну Прасковью, а также через многочисленных доброжелателей Анна стала узнавать об истинном положении вещей в столице. Она поняла главное: что верховники ее обманули, представив кондиции как решение всего общества, и что среди тех, кто хотел ограничить власть императрицы, не было единства. В этом были немало виноваты сами верховники, которые, запутавшись в бесплодных спорах с дворянами, бездарно упустили драгоценное время до приезда Анны Иоанновны. Они начали терять инициативу.

А в дворянской среде явно наметился раскол. Чем дальше заходили дискуссии, тем больше дворян начинало сомневаться в успехе начатого дела. Как не раз бывало в русской истории, усиливались сомнения в том, что демократическим путем можно что-либо разумное сделать в России. Такие настроения наиболее ясно выразил казанский губернатор А.П. Волынский, который писал в частном письме приятелю, что вряд ли дворянская демократия принесет благо стране. По мнению Волынского, новые, пусть и демократические, институты будут сразу же искажены, «понеже народ наш наполнен трусостью и похлебством», а выборы станут формальными, и тот, кто получит в свою пользу больше голосов, «тот что захочет, то и станет делать. А кого захотят, того и выводить и производить станут, а бессильный, хотя б и достойный был, всегда назади оставаться будет».

Сомнения порождали тягу к прошлому. Прямым результатом этого стало усиление партии самодержавия, которая начала теснить реформаторов, сторонников ограничения власти императрицы. Весьма популярен был лозунг сильной руки в гвардии и армии, особенно ценивших порядок. Одновременно слабость власти усиливала преторианские настроения гвардейцев, их уверенность в своем праве решать судьбу страны. Образовалась взрывоопасная смесь. Не хватало только искры, чтобы она взорвалась. Это и произошло 25 февраля 1730 года в Кремле. В тот день на первой встрече императрицы с «государством» дворяне во главе с князем А.М. Черкасским вручили Анне челобитную, в которой жаловались на верховников, не желавших слушать их предложения по государственному переустройству. Челобитчики просили императрицу вмешаться и разрешить обсудить подготовленные проекты. Верховникам эта выходка не понравилась, завязался спор между ними и дворянами. Анна, не ожидавшая, что ее изберут третейским судьей в споре о том, как лучше ограничить ее же власть, растерялась, а потом разрешила приступить к подаче и обсуждению мнений.

Дворяне удалились в особый зал для совещания, а императрица пригласила верховников отобедать с ней. Анна неожиданно не вписалась в их игру, а стала вести свою. Но они еще не знали, что их ждет в следующую минуту и что уже настал миг, когда чаша судьбы вдруг

заколебалась и затем начала клониться не в их сторону. Дадим слово современнику – испанскому посланнику де Лириа, сообщавшему в Мадрид о событиях в Кремле: «Между тем возмутились офицеры гвардии и другие, находившиеся в большом числе, и начали кричать, что они не хотят, чтобы кто-нибудь предписывал законы их государыне, которая должна быть такою же самодержавной, как и ее предшественники. Шум дошел до того, что царица была принуждена пригрозить им, но они все упали к ее ногам и сказали: «Мы верные подданные Вашего величества, но не можем терпеть тирании над Вами. Прикажите нам, Ваше величество, и мы повергнем к Вашим ногам головы тиранов!» Тогда царица приказала им повиноваться генерал-лейтенанту и подполковнику гвардии Салтыкову, который во главе их и провозгласил царицу самодержавной государынею. Призванное дворянство сделало то же».

Сообщение де Лириа требует некоторых весьма важных уточнений. Описанное им – есть дворцовый переворот. Как после смерти Петра I в 1725 году, так и теперь, в 1730 году гвардейцы решили судьбу престола. Да что там престола! Судьбу России, ее будущего. Нет сомнений, что истерика гвардейцев была подготовлена. С самого приезда в Россию Анна заигрывала с гвардией, о чем есть факты. Немало потрудился, чтобы настроить гвардейцев в нужном ключе, родственник царицы С.А. Салтыков.

Когда оба высших воинских начальника – фельдмаршалы Голицын и Долгорукий – выскочили вослед императрице из обеденного зала на шум, поднятый гвардейцами, они поняли, что произошел бунт гвардии. Они промолчали, когда Анна, вопреки кондициям, стала распоряжаться гвардией, поручив командование его Салтыкову. Оба фельдмаршала, не ведавшие страха в бою, хорошо знали своих гвардейцев и потому не осмелились возражать разгоряченной толпе российских янычар: жизнь-то одна!

К шуму в зале прислушивались и совещавшиеся рядом дворянские прожектеры. Думаю, что им было весьма неуютно, они боялись новых янычар. И когда дворяне вышли в зал к императрице, они подали ей не проект государственного переустройства, а челобитную, в которой «всепопданнейше и всепокорно» просили «всемиловнейше принять самодержавство таково, каково Ваши славные достохвальные предки имели, а присланные к Вашему императорскому величеству от Верховного тайного совета и подписанные Вашего величества рукою пункты (то есть кондиции. – Е.А.) уничтожить». А кончали свое писание любимцы вольности так: «Мы, Вашего величества всепокорные рабы, надеемся, по природному Вашего величества благоутробию презрены не будем, но во всяком благополучии и довольстве тихо и безопасно житие свое препровождать имеем. Вашего императорского величества всенижайшие рабы». И подписи. И ни слова о вольности, правах, гарантиях.

Жаль, что в зале в тот момент не было Артемия Волынского. Он бы мог удостовериться в правоте своих слов: рабское начало все-таки победило. Крики и угрозы гвардейцев сделали свое дело – в зале совещания дворяне подписали не проект реформ, а рабское прошение.

Под ревнивыми взглядами гвардейцев Анна благосклонно выслушала капитуляцию прожектеров, а затем приказала подать кондиции и, как бесстрастно фиксирует официальный журнал заседаний Совета, «при всем народе изволила, [кондиции] приняв, изодрать». Верховники молча смотрели на это – их партия была проиграна. Понадобилось всего тридцать семь дней, чтобы самодержавие в России возродилось...

В первый день самодержавного правления Анны москвичи были поражены невиданным природным явлением – кроваво-красным северным сиянием необычайной яркости в виде огромных огненных столпов, замыкающихся в зените. Многие расценили это как плохое предзнаменование для будущего царствования...

Так неожиданно для себя самой Анна Иоанновна стала всероссийской императрицей. Пока шла борьба за власть между сторонниками и противниками ограничения императорской власти, никто не думал о герцогине Курляндской как о личности: и те и другие боролись не за нее, а за торжество своих политических идеалов, за дорогие им принципы государственного устройства. И когда борьба закончилась и самодержавие было восстановлено, все с удивлением воззрились на трон – кто же теперь будет нами повелевать? Кто она, эта женщина, ради которой мы так бились с противниками?

Конечно, те, кто бывал при царском дворе, и раньше знали Анну и ее сестер, но относились к ним без особого почтения. Княжна Прасковья Юсупова говорила в своем кругу, что раньше, при государе Петре Великом, Анну и ее сестер называли не царевнами, «а только Ивановнами». Де Лириа, человек близкий ко двору Петра II, в своих донесениях о событиях января – февраля 1730 года поначалу путал новую императрицу с ее сестрой Прасковьей – столь ничтожна была роль Анны при дворе. И вот «Ивановна», к удивлению придворной камарильи, стала не просто императрицей, а самодержицей.

Ни один придворный льстец, как бы подобоострастен и лжив он ни был, не решился назвать Анну красавицей. Это было бы уж слишком. С парадных портретов на нас угрюмо смотрит грузная женщина в пышном платье с царской орденой лентой через плечо. Короткая шея, ниспадающие на нее локоны жестких смоляных волос, длинный нос, недобрый взгляд черных глаз... Эмоциональная графиня Шереметева – тогда, в феврале 1730 года, невеста опального князя Ивана Долгорукого – пришла в ужас, увидав в окно шествовавшую мимо окон императрицу: «Пристрашнова была взору, отвратное лицо имела, так была велика, когда между кавалеров идет – всех головою выше, и чрезвычайно толста». Более взвешенно судил об Анне граф Эрнст Миних – сын знаменитого фельдмаршала: «Станом она была велика и взрачна. Недостаток в красоте награждаем был благородным и величественным лицерастположением (выражением физиономии. – Е.А.). Она имела большие карие и острые глаза, нос немного продолговатый, приятные уста и хорошие зубы. Волосы на голове были темные, лицо рябоватое, и голос сильный и пронзительный. Сложением тела она была крепка и могла сносить многие удручения». Конечно, подтвердим мы, зная особое пристрастие Анны к стрельбе, – Анна стреляла каждый день и

много лет подряд. Оробевшая гостя царицы, простая дворянка Настасья Шестакова, вспоминала: «Изволила меня к ручке пожаловать и тешилась: взяла меня за плечо так крепко, что даже с телом захватила, ажио больно мне стало». Вообще в Анне была некая грубость, мужиковатость. Де Лириа писал, что у нее «лицо более мужское, нежели женское». Чрезмерную полноту Анны, отсутствие в ней изящества» шарма отмечали и другие наблюдатели. Конечно, каждому приятно иметь дело с императрицей, в которой все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли, и есть музыкальный слух, ум и воспитание. Но тут уж ничего не поделаешь: какую императрицу сосватал России хитрый князь Дмитрий Голицын – такую и получили...

Став императрицей, Анна чувствовала себя в Москве весьма неуютно. Те люди, которые посадили ее на престол, понятно, особого доверия у нее не вызывали. Дворянские прожектеры, уступившие в решающую минуту натиску гвардии, успокоились не сразу. Еще какое-то время они пытались протащить идею образования «Собрания разных главных чинов». И хотя к началу марта 1730 года стало ясно, что они уже проиграли, слухи и пересуды о возможном повторении событий начала 1730 года не стихали и беспокоили новую императрицу. Принеся в столицу пальмовую ветвь мира, Анна не могла сразу же расправиться со своими притеснителями – верховниками. В начале марта она распустила Верховный тайный совет, но почти все его члены вошли в Сенат и при коронации Анны летом 1730 года даже получили награды.

Показать свои истинные намерения она могла лишь в отношении князей Долгоруких. Бывший фаворит Петра II князь И.А. Долгорукий с женой и его отец князь Алексей со всеми домочадцами были сосланы в сибирский город Березов, где незадолго перед тем умер опальный Меншиков. Не было надежной опоры у Анны и в гвардии. Хотя гвардейцы и привели ее к самодержавию, верить этой капризной и своевольной толпе новых стрельцов она не могла. Как-то раз Анна случайно подслушала разговор гвардейцев, возвращавшихся после тушения небольшого пожара во дворце. Солдаты сожалели что в суете им во дворце «тот, который надобен, не попался, а то [бы] уходил».

Речь шла о недавно приехавшем из Курляндии Бироне. Он сразу же занял первое место у трона, что гвардейцам не понравилось. В августе 1730 года Анна стала поспешно создавать, к вящему неудовольствию гвардии, новый гвардейский полк – Измайловский. Им командовали преимущественно иностранцы во главе с К.Г. Левенвольде и братом Бирона Густавом. Солдат же набирали не из московских дворян, как было принято со времен Петра Великого, а из мелких и бедных дворян южных окраин государства – людей далеких от столичных политических игр. Анна, вероятно, рассчитывала на верность этих людей в будущие острые моменты своего царствования.

Слухи о намерении недовольных «исправить дело 1730 года» вынудили Анну в самом начале 1731 года провести невиданную ранее акцию. Всем полкам, генералитету, высшим чиновникам было предписано явиться рано утром ко дворцу. Анна обратилась к

собранным с речью, в которой сказала, что «для предупреждения беспорядков, подобных наступившим по смерти ее предшественника» Петра II, она намерена заранее назначить себе преемника, но так как его еще нет на свете, то императрица требует от всех немедленной присяги на верность ее будущему любому выбору. С целью устранения династических затруднений Анна приблизила ко двору свою двенадцатилетнюю племянницу Анну Леопольдовну, дочь старшей сестры Екатерины, и намеревалась выдать ее замуж и передать престол ей или будущим ее детям. Гвардия и сановники странному капризу императрицы присягнули безропотно.

Но покоя у Анны все равно не было. Так сложилось, что Москва не была для Анны безопасной. Человек суеверный и мнительный, Анна была потрясена внезапной смертью на ее глазах генерала И. Дмитриева-Мамонова – морганатического супруга ее младшей сестры Прасковьи. И уж совсем скверно стало императрице после того, как во время загородной поездки карета, ехавшая впереди императорской, внезапно провалилась под землю. Расследование показало, что это был искусно подготовленный подкоп. Окончательно решение переехать в Петербург созрело к концу 1730 года, когда архитектор Д. Трезини получил срочный заказ: привести в порядок императорские дворцы. Семнадцатого января 1732 года газета «Санкт-Петербургские ведомости» с ликованием извещала мир о прибытии императрицы в столицу. Ее встречал генерал Б.Х. Миних. С самого начала царствования Анны будущий фельдмаршал, оставаясь за главного начальника в Петербурге, верхним чутьем безошибочно уловил новые веяния из Москвы и сразу же показал свою лояльность новой повелительнице: привел к присяге город, войска и флот. Потом он послал императрице донос на адмирала Сиверса, который советовал не спешить с присягой именно Анне и высказывал симпатии дочери Петра Елизавете. Этим Миних расположил к себе Анну, которая стала давать верному генералу и другие грязные задания политического свойства.

И вот перед приездом Анны Миних развил бурную деятельность. Были построены роскошные триумфальные арки, обновлен Зимний дворец, наведен порядок на петербургских улицах. Жаль, что на дворе стояла зима и нельзя было показать императрице флот. Все было празднично и торжественно: клики толпы, салют построенных вдоль дороги полков, гром барабанов, фейерверки. Прибыв в Петербург, Анна сразу же направилась в Исаакиевскую церковь, где был отслужен торжественный молебен. Затем императрица двинулась в Зимний дворец – свой новый дом. Петербург после четырехлетнего перерыва, когда столица при Петре II фактически переместилась в Москву, вернул себе корону. Теперь, вдали от Москвы, Анна могла вздохнуть спокойно. Накануне переезда двора в Петербург саксонский посланник Лефорт писал, что императрица тем самым хочет «избавиться от многих неприятных лиц, которые останутся здесь (в Москве. – Е.А.) или будут отправлены дальше внутрь страны, она хочет иметь полную свободу...».

Остался доволен переездом и Бирон. Москва – «варварская столица» – ему не нравилась. К тому же с ним в Москве приключился невиданный конфуз: его, блестящего наездника, на глазах императрицы, придворных и толпы сбросила наземь лошадь. Анна, нарушая всю

церемонию царского выезда, выскочила из кареты, чтобы самой поднять из проклятой московской грязи бедного, ушибленного, но бесконечно любимого обер-камергера. Если же говорить серьезно, то переезд в Петербург был сильным ходом правительства Анны. Для заграницы перенос при Петре II столицы в Москву символизировал отступление от политической линии Петра Великого. Анна избрала другой путь: вернувшись в Петербург, она продемонстрировала близость с Европой. Многие трезвые политики и раньше понимали важность возвращения на берега Невы. Анна вняла этим советам. Возвращение в Петербург демонстрировало преемственность политических идеалов Петра Великого и означало усиление империи и ее новой повелительницы.

И стала Анна Иоанновна жить в Петербурге. В 1732 году Тайной канцелярии рассматривалось дело солдата Ивана Седова. Он позволил себе оскорбительно прокомментировать рассказ товарища, наблюдавшего возле дворца замечательную сцену. Ее величество Анна сидела у открытого окна. Мимо брел некий посадский человек в рваной шляпе. Анна его остановила, отчитала за непрезентабельный вид и выдала два рубля на новую шляпу. Поступок, достойный одобрения. Но не своим гуманизмом он интересен. Просто в этой сцене – вся императрица. Образ скучающей помещицы, глазающей из окна на прохожих или на драку козла с дворового собакой, вряд ли приложим, например, к Екатерине II, а вот к Анне – вполне. Она, в сущности, и была помещицей, правда, не какой-нибудь Богом забытой деревни, а громадной России. Мелочная, суеверная, капризная госпожа, она пристрастно и ревниво оглядывала из своего петербургского «окна» весь свой обширный двор и, замечая беспорядок, примерно наказывала виновных слуг и рабов. Был у нее и свой управляющий. Он ведал самой большой «деревней» – Москвой. Звали его графом Семеном Андреевичем Салтыковым. Читатель помнит, что именно ему Анна поручила в памятный день 25 февраля 1730 года командовать гвардией. Теперь он командовал Москвой. «Семен Андреевич! Изволь съездить на двор к Апраксину и сам сходи в его казенную палату, изволь сыскать патрет отца его, что на лошади написан, и к нам прислать, а он, конечно, в Москве и если его спрячет, то плохо им, Апраксиным, будет. Анна». И такие письма Салтыков получал десять лет подряд.

Не раз и не два главнокомандующий Москвы и генерал-аншеф, граф и сенатор, стучаясь головой о низкие притолоки, лез в темные кладовые и чуланы подданных императрицы, чтобы среди паутины и хлама добыть какой-нибудь «патрет» или чьи-то «письма амурные». «Також осведомися, – пишет Анна Салтыкову, – отец Голицына (одного из придворных. – Е.А.) был ли болен, как сын его нам здесь объявлял, или в совершенном здравии, а ежели болен, то отпиши, какую болезнь и сколь долго болен был». Это уже нашей помещице кто-то донес на притвору князя, и она приказывает проверить, иначе – гнев за обман. Письма к московскому управляющему пестрят оборотами; «слышала я», «слышно нам здесь», «пронеслось, что...», «через людей уведомилась». Именно сплетни – незаменимый и универсальный источник информации – Анна ценила превыше всего. Когда читаешь ее письма, складывается забавное впечатление, что ей известно все, что она пронзает пространство своим острым глазом и слухом и ведает, что, например, «в деревне у Василия Федоровича Салтыкова крестьяне поют песню, которой начало: «Как у нас, в селе Поливанове есть боярин от-дурак: решетом пиво цедит», что в Москве, в одном из кабаков

«на окне стоит клетка с говорящим скворцом», что некто господин Кондратович, вместо того чтобы ехать на службу, шатается по Москве, что, наконец, в деревне Салтовке «имеется мужик, который унимает пожары». И помещица Ивановна тут же строго распорядилась: мужика слова песни и скворца срочно доставить в Петербург, а Кондратовича выслать по месту службы.

Салтыкову, исполняя волю барыни, приходилось часто действовать, как тогда говорили, «под рукою», то есть тайно. Это тоже была излюбленная манера поведения Анны – полновластной повелительницы жизни и имущества своих подданных. Впрочем, Анна совала свой «немного продолговатый» нос в чужие дела прежде всего потому, что чувствовала себя хозяйкой имения, наполненного ленивой и жуликоватой дворней, и исповедовала принцип самодержавия: «А кого хочу пожаловать – в том я вольна». И Анна была абсолютно права – именно неограниченной власти царицы жаждали дворяне на памятной встрече в Кремле в феврале 1730 года.

Часть переписки Анны с Салтыковым можно смело назвать архивом коронованной свахи. «Сыскать воеводскую жену Кологривую и, призвав ее к себе, объявить, чтоб она отдала дочь свою за Дмитрия Симонова, понеже он человек добрый и Мы его Нашею милости не оставим». Обрадованная такими обещаниями, жена воеводы была «без всякого отрицания отдать готова» дочь свою, но – вот неудача – девице-невесте не исполнилось еще и двенадцати лет. Значит, сообщили императрице неточно. Неудача постигла коронованную сваху и в деле с дочерью князя Василия Гагарина. Анна ходатайствовала за своего камерюнкера Татищева и просила Салтыкова обсудить с самим князем все детали заключения брака. Салтыков отвечал, что Гагарин и рад бы угодить императрице, да уже три года лежит немой и неподвижный. Во всех других случаях Анне сопутствовал успех.

В стремлении Анны устроить личное счастье подданных можно увидеть суетное тщеславие свахи, горделивое чувство «Матери Отечества», хозяйки большого имения, которая изливает свои благодеяния на головы подданных, уверенная, что лучше их знает, что им нужно. Но это не все. В 1733 году Анна хлопотала за двух дворянских девушек-сирот, «из которых, – пишет она Салтыкову, – одну полюбил Матюшкин и просит меня, чтобы ему на ней жениться, но оне очень бедны, только собою обе недурны и неглупы, и я их сама видела. Того ради, – приказывает императрица Салтыкову, – призови его отца и мать, спроси, хотят ли они его женить и дадут ли ему позволение, чтоб из упомянутых одну, которая ему любя взять. Буде же заупрямятся для того, что оне бедны и приданого ничего нет, то ты им при том рассуди: и кто за него богатую выдаст?» Спустя три месяца Анна с удовлетворением писала Салтыкову, что свадьба Матюшкина с его избранницей была веселой и проходила «в моем доме», то есть в императорском дворце. Ничего, кроме добрых чувств, в этой истории усмотреть невозможно. Здесь звучит отзвук личной драмы этой женщины, чья жизнь была исковеркана: вдова с семнадцати лет, она стремилась к семейному счастью и покою, но так и не дождалась нового свадебного платья и венца. Зато как безмерно строга была «помещица Ивановна» ко всяким вольностям и несанкционированным амурам своих подданных! Семнадцатого мая 1731 года в «Санкт-

Петербургских ведомостях» – единственной газете того времени – был опубликован такой «репортаж»: «На сих днях некоторой кавалергард полюбил недавно некоторую российской породы девицу и увести [ее] вознамерился». Далее описывалась история похищения девицы прямо из-под носа у ее заботливой бабушки, а также тайное венчание в церкви. «Между тем учинилось сие при дворе известно, и тогда в дом новобрачных того ж часа некоторая особа отправлена, дабы оных застать. Сия особа (думаю, что это был начальник Тайной канцелярии А.И. Ушаков. – Е.А.) прибыла туда еще в самую хорошую пору, когда жених раздевался, а невеста на постели лежала». Все участники приключения были немедленно арестованы, и «ныне, – заканчивает репортер, – всяк желает ведать, коим образом сие курioзное и любительное приключение окончится». Нет сомнений, что блестящей операцией по изъятию новобрачных из постели руководила сама императрица – незыблемый оплот отечественной нравственности. В ее силах было и признать недействительным церковный брак – ведь со времен Петра Великого император или императрица были главой русской Церкви.

Не прав будет тот, кто подумает, что, кроме матримониальных дел своих подданных, Анне нечем было заниматься. У нее были и другие весьма многотрудные заботы. Например, она постоянно занималась шутами. Тут императрица была особенно строга и придирчива – ведь шута принимали как бы в большую придворную семью. Принимая в шуты князя Никиту Волконского, императрица потребовала, чтобы Салтыков досконально сообщил ей все о его привычках и повадках: как он жил и чисто ли у него было в комнатах, не ел ли капустных кочерыжек, не много ли лежал на печи, сколько у него рубах было и по сколько дней он носил одну рубаху. Интерес Анны – женщины мнительной и брезгливой вполне понятен: она брала человека к себе в дом и не хотела, чтобы он был неаккуратен, грязен, портил воздух в дворцовых апартаментах, сопел, храпел или чавкал. После строгого отбора у императрицы образовалась компания из шести профессиональных дураков, не считая множества добровольных шутов. Среди шутов были два иностранца – д'Акоста и Педрилло и четверо русских – Иван Балакирев, князя Никита Волконский и Михаил Голицын, а также граф Алексей Апраксин. Все они были замечательные, редкостные дураки, и сколько потом ни искали по России лучших, так и не нашли.

Конечно, шутов держали преимущественно для смеху веселья. Образ шута, сидящего у подножия трона и обличающего общественные пороки, оставим для художественной литературы. В реальной жизни все было проще и прозаичнее. Шут – это постоянное развлечение, это – комедия, которая разыгрывается рядом и без репетиций, это спасение посредине длинных и скучных зимних вечеров и обильных обедов. Впрочем, зрелище это было довольно непристойное и современному читателю не понравилось бы.

Историк Иван Забелин писал о забавах шутов как об особой «стихии веселости», в которой «самый грязный цинизм был не только уместен, но и заслуживал общего одобрения». Шут стоял вне господствующей системы этических, подчас ханжеских, норм. Обнажаясь душой и телом, он тем самым давал выход психической энергии, которую держали под спудом строгие принципы общественной морали. «На то и существовал в доме дурак, чтобы

олицетворять дурацкие, а в сущности – вольные движения жизни». Для Анны шутовство с его непристойностями, снятыми запретами было, вероятно, весьма важно и нужно – оно снимало то напряжение, которое не могла подсознательно не испытывать эта женщина – ханжа, блюстительница общественной морали, строгая судья чужих проступков, но при этом жившая в незаконной связи с женатым Бироном. А связь эта осуждалась обычаем, верой, законом и народом. Об этом Анне было досконально известно из дел Тайной канцелярии, которые она регулярно читала.

Дурак был видным членом большой придворной семьи. Годы жизни рядом сближали шутов и их повелителей. Подолгу тянулись потешавшие царицу и двор жизненные истории шутов. Особенно много смеха вызывали острые семейные проблемы Ивана Балакирева, в решении которых участвовали многие: императрица, сановники, Синод. То обсуждались вести о борьбе шута с тестем, который не хотел выплачивать зятю приданое, то Святейший Синод всерьез рассматривал проблему «вступления в брачное соитие по-прежнему» Балакирева с его непослушной в постели женой. То вдруг новая беда – шут проиграл в карты половину своей лошади, и среди знати устраивалась лотерея для спасения кобылы любимца царицы. Блистал при дворе и Голицын-Квасник. Он не уступал Балакиреву и, попав при весьма драматических обстоятельствах в шуты, с успехом носил шутовской колпак. Анна писала Салтыкову после первых смотрин Голицына, что князь «всех лучше и здесь всех дураков победил». Не стоит думать, что, становясь шутами, русские князья и графы чувствовали себя униженными и оскорбленными. Эту обязанность они воспринимали как разновидность службы государю – своему господину, к которой к тому же был способен не всякий: медицинский дурак вполне мог стать генералом, но не каждый умный годился в шуты. Забирая в придворные дураки прославившегося своими дурацкими выходками князя Волконского, Анна писала Салтыкову: «И скажи ему, что ему велено быть в [шутах при дворе] за милость, а не за гнев». Так они и жили все вместе – царица и ее дураки.

Каждую зиму в Петербурге, на льду Невы, сооружались ледяные городки и крепости – это была любимое зимнее развлечение горожан. Но в феврале 1740 года множество рабочих начали строить из неевского льда нечто необычное. Петербуржцы с любопытством следили, как день за днем рос сказочный Ледяной дворец. При дворе была задумана грандиозная шутовская свадьба, которая должна была затмить прежние развлечения такого типа, вроде женитьбы шута Педрилло на козе, с которой он, к великому удовольствию Анны, лег в постель. На этот раз новобрачными были шут князь Михаил Голицын и калмычка Авдотья Буженинова. Некогда князь Голицын попал в шуты в наказание за женитьбу во время пребывания в Италии на католичке. Жена его, привезенная в Россию и брошенная всеми на произвол судьбы, так и погибла в чужой стране. А Голицын стал выдающимся шутом, и теперь Анна – всероссийская сваха – решила устроить его семейную жизнь самым необычным способом. Для свадебного торжества и шутовского шествия по улицам столицы было приказано доставить в Петербург со всей страны по паре всех известных «инородцев» – всех национальностей подданных царицы в их традиционных одеждах, что само по себе казалось императрице весьма смешным.

Для новобрачных и предназначался Ледяной дворец. Он полностью вписывался в тогдашнюю культуру «курьеза» – шутки, обмана, когда зрители видели вроде бы реальные вещи, а на самом деле это оказывались муляжи, макеты, восковые персоны. Здесь же все было из льда. Дворец окружали ледяные кусты и деревья, на их выкрашенных зеленой краской ледяных ветвях сидели разноцветные ледяные птицы. Перед фасадом стоял ледяной слон в натуральную величину, и сидящий внутри него человек трубил через высоко поднятый хобот. Днем из хобота бил фонтан воды, а по ночам – горячей нефти. Но больше всего зрителей поражал сам дворец его устройство и убранство. Роскошные покои, где все окна, стены, двери, мебель были сделаны из льда, искусно раскрашенного красками под естественные цвета. На столе лежали даже игральные карты. В спальне новобрачных все было как в настоящей королевской спальне – ледяная кровать с ледяным балдахином, простыня, ледяные подушки и ледяное одеяло. На эту кровать торжественно и уложили после всех церемоний доставленных в клетке новобрачных. А свадебное шествие всех народов приветствовал своими стихами тогдашний придворный поэт Василий Тредиаковский. Молодоженов, промерзших до костей на ледяной постели, выпустили только под утро. Как много было веселья при дворе, когда Анна Иоанновна и ее свита расспрашивали Голицына о сладости первой брачной ночи...

Шуты составляли лишь часть придворного общества и штата. При дворе было немало и других людей, которые постороннему наблюдателю могли показаться каким-то скопищем уродов, большой богадельней, живым паноптикумом – так много было при дворе каких-то больных, калек, карликов, великанов, отвратительных старух. На самом деле во всем был свой порядок и смысл. Нельзя забывать о времени, в которое жила Анна, и о причудливом пути, пройденном ею. Московская царевна русского XVII века, она в один прекрасный день превратилась в герцогиню Курляндскую и пробыла ею двадцать лет, чтобы затем проснуться императрицей. Эти три периода не прошли даром для ее психики, вкусов, привычек. Анна жила на переломе эпох с присущим таким временам смешением стилей, эклектикой.

Несомненно, Анну властно влекло прошлое, семнадцатый век, в котором она родилась. Став царицей, она не только вспоминала райское место – Измайлово, но даже воссоздала старинную «царицыну комнату» – штат приживалок, в кругу которых русские царицы проводили досуг. Конечно, время вспять не повернуть, и Анна не собиралась возвращаться к старинному придворному чину. Давно уже камер-юнкеры, камер-лакеи и камергеры заменили рынд, стольников и спальников. Нет, императрице был важнее дух «царицыной комнаты». Не научный, а чисто ностальгический интерес отражают многочисленные ее просьбы к Салтыкову поискать и прислать ей какой-то старинный «патрет» матери Прасковьи или отца царя Ивана, старинные книги с картинками, различные вещи из ее прошлой кремлевской или измайловской жизни.

Но, как известно, самое главное в каждом деле – всегда люди. Из писем царицы к Салтыкову мы видим, как она собирает доживающих свой век приживалок и служанок своей покойной матери. Некогда они заполняли весь Измайловский дворец, приводя в содрогание брезгливого царя Петра. И вот в Петербург, ко двору императрицы, солдаты

стали свозить старушек и вдов, сказочниц и чесальщиц пяток на сон грядущий. В окружении Анны возникли такие персонажи, как Мать-Безношка, Дарья Долгая, Баба Катерина, Девушка-Дворянка.

– Поищи в Переславле, – приказывает Анна Салтыкову, – из бедных дворянских девок или из посадских, которая бы похожа была на Татьяну Новокрещенову (а она, как мы чаем, уже скоро умрет), и чтоб годна была ей на перемену. Ты знаешь наш нрав, мы таких жалуем, которые были бы лет по сорока и так бы говорливы, как та Новокрещенова или как были княжны Настасья и Анисья Мещерские.

Шуты женского и мужского пола, уродливые карлики и карлицы, «блаженные» – те, на кого сошла благодать или попросту слабоумные, – убогие, немые и безногие составляли «комнату» императрицы. Здесь же были «арабки», «сироты-иностранки», «калмычки», «немки», другие иностранки черной, желтой, белой рас. В 1734 году Анна предписала главнокомандующему русских войск на Кавказе генералу Левашову, чтоб он прислал двух девочек-персиянок или грузинок, «чтоб были белы, чисты, хороши и не глупы».

При Анне возрождается, казалось бы, навсегда утраченное в европейском, плоском Петербурге старинное понятие «ходить в Верх». В прошлые века этим обозначалось посещение Кремлевского дворца, где на высоком Кремлевском холме – «в Верху» – жили цари. Ни Кремлевского дворца, ни Кремлевского холма в Петербурге не было, но «Верх» при Анне появился. Там, среди сплетен, ссор, длинных вечерних рассказов и сказок многочисленных слуг, служанок, приживалок и жила императрица. Это было в традициях старой московской жизни, это был милый Анне Иоанновне мир.

Старые порядки появлялись при дворе как бы сами собой, хотя они и не вытесняли нового. Наоборот, они причудливо уживались рядом с тем, что пришло в Россию с Запада. Годы жизни с Бироном, в Курляндии, не пропали даром – Анна не была равнодушна и к европейским развлечениям: театру, музыке, балету, опере. Особой любовью при дворе пользовались гастрольные труппы итальянского театра дель арте. Шутовское передразнивание жизни, шумные потасовки, тумачи и подзатыльники вечно конфликтующих друг с другом главных героев интермедий Арлекина, Пьеро и Смеральдины, незатейливый сюжет пьес – все это было так похоже на проделки русских шутов и скоморохов. Анна – весьма невзыскательный зритель – с удовольствием смотрела пьесы, названия которых говорят сами за себя: «Любовники, друг другу противящиеся, с Арлекином – притворным пашой» «В ненависть пришедшая Смеральдина», «Перелазы чрез заборы», «Забавы на воде и в поле», «Переодевки Арлекины» и тому подобные шедевры уличного театра. Историки музыки отмечают, что царствование Анны стало переломным в музыкальной культуре России. Наряду с военной, парадной музыкой и натужными танцами петровских ассамблей в эту эпоху в Россию пришла (особенно с гастролерами-итальянцами) театральная и концертная музыка. Появился и первый придворный композитор – итальянец Франсиско Арайя. Зазвучали голоса певцов большой придворной капеллы. Француз-

балетмейстер Жан-Батист Ланде основал в 1737 году и доныне существующую знаменитую петербургскую балетную школу классического танца. Музыка зазвучала на торжественных придворных обедах для улучшения аппетита и общего удовольствия. Так, на обеде в честь кавалеров ордена Александра Невского в 1735 году Анна кушала с ними за одним столом, а в это время получала удовольствие Ее величество и от слушания и смотрения опер, которые хотя и нечасто ставились в Петербурге, но вносили явное оживление в жизнь двора и столицы. Для оперных спектаклей был построен огромный – на тысячу зрителей – театр, в который пускали всех желающих. Главное, чтобы человек не был пьян или грязно одет. Сама же опера поражала не избалованных подобными зрелищами петербуржцев грандиозными декорациями, музыкой, пением, декламацией, балетом, слаженным действием скрытых от глаз зрителей театральных механизмов, возносивших героев спектакля под полотняные облака и сотрясавших стены театра и сердца зрителей грохотом «бездны ада», блеском «молний Юпитера». Опера, как пояснял в газете тогдашний большой знаток искусств Якоб Штелин, – «действие, пением исполняемое», как правило, была приурочена к какому-нибудь возвышенному событию: дню рождения императрицы, годовщине ее вступления на престол, коронации и т. д.

Так, к сорокачетырехлетию царицы в 1737 году была поставлена опера «Притворившийся Нин, или Познанная Семирамида». Декорации и костюмы были роскошны, итальянская музыка прекрасна. Правда, сюжет до нас не дошел, но, нет сомнения, опера демонстрировала возвышенные чувства, жалостливыми сценами выжимала слезу у зрителей, а кончалась непременно победой Добра над Злом, Любви над Ненавистью. И зрители были, как писала газета «Санкт-Петербургские ведомости», всем этим «очюнь довольны», как и Анна.

Мемуарист вспоминает о петербургской жизни 30-х годов XVIII века: «Государыня, не могшая более, по причине суровой погоды, наслаждаться стрельбой, которая для ее удовольствия почти ежедневно устраивалась в Петергофе летом, являлась теперь всякий раз со всем двором в театр, когда давали оперу, комедию или интермедию».

Действительно, охота, точнее – стрельба, была подлинной страстью Анны, довольно необычайной для московской царевны, но вполне естественной для мужиковатой, грубоватой императрицы. Анна не просто присутствовала при травле зверья, не просто спускала со связки собак. Она сама стреляла из ружья, и делала это великолепно.

Редкий день в парке пригородного дворца Петергофа, где она обычно проводила лето, проходил без пальбы. Царица била по мишеням, которые выставляли для нее в парке или в плохую погоду – в манеже. Но больше всего любила императрица стрелять по живой мишени. Со всей страны под Петергоф, в специальные загоны и птичники, свозилась разнообразная дичь. И, прогуливаясь по парку, императрица непрерывно стреляла по кишасемому в нем зверью. За летний сезон 1739 года она самолично застрелила девять оленей, шестнадцать диких коз, четырех кабанов, одного волка, триста семьдесят четыре

зайца и шестьсот восемь уток! Кроме того, среди тысячи двадцати четырех трофеев нашей Дианы оказались непригодные в пищу шестнадцать больших чаек. Можно вообразить, как это было: царица не успокаивалась даже во дворце, хватала стоявшие в простенках заряженные ружья и палила из окна по каждой пролетавшей мимо чайке, вороне или галке. Даже в дороге императрица не расставалась со штуцером. «Во время пути, – сообщает газета о переезде Анны в Петергоф, – изволила Ее величество в Стрельной мызе стрельбой по птице и в цель развлекаться».

Проводились при Анне и грандиозные варварские охоты с «ягт-вагена» – особого экипажа. Его ставили посреди поляны, на которую загонщики со всего огромного леса гнали дичь. На последнем этапе очень плотного и непрерывного гона, который мог продолжаться неделями и охватывать огромную территорию лесов, звери попадали в парусиновый коридор, выход из которого выводил прямо на «ягт-ваген», где в безопасности сидели охотники и в упор расстреливали оленей, волков, поднятых из берлог медведей и прочих крупных и мелких лесных обитателей.

Стрельба из ружья, благодаря столь сильной страсти царицы, становилась в обществе модой. Рабелепствующая знать приучала своих юных дочерей палить по голубям, а императрица ревниво вопрошала московскую гостью: «Стреляют ли дамы в Москве?», и та уверяла, что стреляют, матушка, стреляют! Пристрастие Анны к охоте и стрельбе, конечно, очень выразительно. Для таких кровожадных подвигов требовались твердая рука, точный глаз, сила телесная, хладнокровие и азарт. Вероятно, этот комплекс амазонки как нельзя лучше соответствовал внутреннему миру императрицы, устройству ее души, далекой от интеллектуальных поисков и рефлексий.

Впрочем, как бы ни велика была страсть Анны к охоте, она не могла вытеснить другой, главной ее страсти. Объектом ее был мужчина – Бирон. «Никогда на свете, чаю, не бывало более дружной четы, которая бы так проявляла в увеселении или скорби совершенное участие, как императрица с герцогом». Так пишет мемуарист Э. Миних и продолжает: «Оба почти никогда не могли во внешнем своем виде притворствоваться. Если герцог являлся с пасмурным лицом, то императрица в то же мгновение встревоженный принимала вид. Если тот был весел, то на лице монархини явное проявлялось удовольствие. Если кто герцогу не угодил, то из глаз и встречи, ему оказанной монархиней, тотчас мог заметить чувствительную перемену. Всех милостей надлежало спрашивать от герцога, и через него одного императрица на оные решалась».

В середине марта 1730 года, как только Бирон приехал в Москву, к Анне, они не расставались ни на один день до самой смерти императрицы в октябре 1740 года. Более того, их видели постоянно рука об руку, что служило предметом насмешки в обществе, и соответственно сама насмешка становилась предметом расследования Тайной канцелярии. Влияние Бирона на царицу было огромным, подавляющим. И истоки его крылись не столько в личности временщика – человека красивого, видного, безусловно волевого и умного,

сколько в чувствах Анны Иоанновны, с радостью подчинившейся своему хозяину, господину. Отныне и навсегда она была с ним. Они даже болели одновременно, точнее, болезнь Бирона делала императрицу больной. К. Рондо, сообщая в Лондон о том, что Анна «не совсем здорова», добавлял: «Несколько дней тому назад ей, а также ее фавориту графу Бирону (он стал герцогом в 1737 году. – Е.А.) пускали кровь. Государыня во время болезни графа кушала в его комнате». Там же она принимала посетителей или же, в связи с недомоганием Бирона, вообще никого не принимала. Фельдмаршал Миних писал, что «государыня вовсе не имела стола, а обедала и ужинала только с семьей Бирона и даже в апартаментах своего фаворита».

Бирон был, как сказано выше, женат на фрейлине Анны. У них было трое детей: Петр, Гедвига Елизавета и Карл Эрнст. Дети совершенно свободно чувствовали себя при дворе, не в меру проказничая и издеваясь над придворными. Императрица очень тепло относилась к молодым Биронам. Награды и чины сыпались на них как из рога изобилия. Вот как Клавдий Рондо описывает аудиенцию у царицы польско-саксонского посланника 29 апреля 1738 года: «Он передал царице две ленты ордена Белого Орла (высший польский орден. – Е. А). Ее величество немедленно возложила их на принцев Петра и Карла, сыновей герцога Курляндского»... Карл Эрнст пользовался особой привязанностью Анны, но и других детей фаворита Анна также любила. Создается впечатление, что Анна и Бироны составляли единую семью. Они вместе присутствовали на праздниках, вместе посещали театр и концерты, катались на санях по Невскому проспекту, а по вечерам играли в карты. Этот треугольник мог удивить наблюдателей, но история знает немало подобных комбинаций, в которых все и всем давным-давно ясно и у каждого своя роль, свое место и общая судьба.

Близким приятелям Бирон жаловался на то, что вынужден целыми днями быть с императрицей, тогда как его ждут государственные дела. Но это – или минутная слабость, или лукавство. Помня печальную судьбу своего предшественника Бестужева, Бирон ни на один день не оставлял Анну без присмотра. Если он уходил, то возле царицы оставалась его супруга или кто-нибудь из соглядатаев. Русскому послу в Варшаве графу Г. Кейзерлингу, своему приятелю, он писал: «Крайне необходимо осторожно обращаться с великими милостями великих особ, чтоб не последовало злополучной перемены». И этому правилу Бирон следовал всю свою жизнь с Анной.

Воцарение Анны открыло для Бирона головокружительные горизонты. Уже в июне 1730 года Анна выхлопотала у австрийского императора для своего любимца титул графа, а осенью он стал кавалером ордена Андрея Первозванного и обер-камергером. Для того чтобы должность эта выглядела солиднее, в табель о рангах – документ, регулировавший служебное продвижение военных, чиновников и придворных, были внесены изменения, и новоиспеченный обер-камергер вместе с чином «переехал» из четвертого сразу во второй класс. Но самой заветной мечтой Бирона было стать герцогом Курляндским, занять по-прежнему пустующий трон в Митаве.

Дело это было многотрудное: пруссаки и поляки внимательно присматривались к Курляндии. Кроме того, курляндское дворянство слышать не хотело о передаче трона незнатному Бирону. Сохранилась подробная переписка фаворита с упомянутым выше посланником России в Польше Г. Кейзерлингом. Бирон изо всех сил стремился усыпить бдительность возможных конкурентов – ставленников прусского и польского королей. Он писал Кейзерлингу: «От меня выведывают, не имею ли я особой какой-либо цели в курляндском деле... Мое постоянное желание – отказаться от всего света и оставшееся короткое время моей жизни провести в спокойствии... теперь я не тот, кто ищет славы от своих трудов». Но мы-то знаем, что он именно искал славы и власти! Когда весной 1737 года наступил решительный момент, Бирон был к нему готов. Неожиданно для политических интриганов он, раньше притворявшийся равнодушным и расслабленным, вдруг начал действовать решительно и смело. Он привел в действие всю мощную машину Российской империи: началось активное дипломатическое давление, в Курляндию вступили русские войска. Поспешно собранный сейм курляндского дворянства надежно «охраняли» русские драгуны, а делегатов сейма предупредили о том, что, конечно, каждый волен голосовать за или против Бирона, но те, кто с его кандидатурой будут не согласны, могут собираться в Сибирь. Стоит ли говорить, что выборы были на редкость единодушны. Голубая мечта Бирона исполнилась. С чувством игрока, выигравшего последнюю, решающую партию, он писал Кейзерлингу о проигравшем ему прусском короле: «Но только его лиса [уже] не схватит моего гуся».

Бирон не собирался переселяться в Курляндию. Его место было возле Анны. В Митаве же была подготовлена база для возможного отступления. Чтобы сделать ее удобнее, Бирон послал в Курляндию работавшего в Петербурге блестящего архитектора Ф.Б. Растрелли. Его не ограничивали ни в чем, и русский государственный карман был широко раскрыт для расходов на возведение дворцов в Митаве и Руентале. Не прошло и нескольких лет, как в довольно бедной Курляндии возникли сказочные чертоги. Правда, им пришлось долго ждать своего господина – Бирон не отходил ни на шаг от императрицы, а потом, после ее смерти, его, как государственного злодея, послали совсем в другом направлении... И только в 1763 году, когда ему, выпущенному из ссылки в Ярославле, было за семьдесят, он смог справить новоселье в Митаве.

Читатель вправе спросить: каким все же государственным деятелем была императрица Анна Иоанновна? Ответ прост: да никаким! Совершенный нуль! Для того чтобы на пространный доклад или челобитной нацарапать: «Быть по сему». «Отдать ему» или «Опробуеэтца» (вариант: «Апроуэтца»), много ума не требовалось. Анна постоянно демонстрировала откровенное нежелание заниматься государственными делами, особенно в дни, когда она отдыхала. А отдыхала она почти непрерывно. Императрица часто делала выговор своим министрам за то, что они вынуждали ее что-то решать, особенно по делам, которые назывались мелкими или малыми. Так, в 1735 году Анна предупреждала членов Кабинета министров, что «о малых делах Нас трудить не надлежало».

Нельзя сказать, что императрица полностью устранилась от государственных дел. Но она предпочитала скорее слушать доклады, чем самой сидеть над бумагами. Особенно часто ей докладывали два министра – А.И. Остерман и А.П. Волынский. И уже по совету и рассуждению с Бироном Анна выносила решение. Для приведения в действие всей огромной государственной машины нужна была краткая резолюция или одобрительный кивок. Да и это порой для Анны бывало трудно. Артемий Волынский, вернувшись из дворца, с раздражением говорил приятелям: «Государыня у нас дура, резолюции [от нее] не добьешься!»

Особую проблему для государыни представляли надоедливые просители-жалобщики. Годами гонимые и томимые канцеляриями и конторами, они ехали в Петербург с последней надеждой и терпеливо поджидали царицу у дворца, чтобы с воплем отчаяния упасть ей в ноги и протянуть слезами написанную жалобу на какую-нибудь несправедливость. Некоторые смельчаки ухитрялись прорваться под пули царицы в Петергоф или настигнуть Ее величество в Летнем саду на прогулке и там подать челобитную. Но мало кому это удавалось – почти всех жалобщиков вылавливала стража. В 1736 году в Тайной канцелярии рассматривалось дело одного доносчика, который, вывалившись из кустов в Летнем саду, своими воплями и видом до смерти перепугал императрицу. Несчастного уволок в тюрьму. Известен и случай с просительницей, которая сумела улучшить момент и подать царице свою челобитную о задержанном жалованье ее мужа. Анна сурово отчитала просительницу: «Ведаешь ли ты, что мне бить челом запрещено?» – и потом велела вывести бедную дворянку на площадь и выпороть плетью. Для науки другим, конечно.

В 1738 году Анна решила разом покончить с проблемой жалоб. Она распорядилась, чтобы Сенат собрал все жалобы и, «рассмотрев [их], решение учинить, как указы повелевают, чтоб бедным людям справедливость учинена была безволочитно и Ея императорское величество о таких своих обидах больше прошениями не утруждали». Так императрица стремилась разом установить порядок, справедливость и главное – покой! Думаю, что Анна приняла это решение самостоятельно, дошла своим умом.

Среди материалов XVIII века встречаются специальные императорские указы «с гневом». Все они относятся только к правлению Анны, которая была свято убеждена в неотразимой действенности крика, громкого ругательства. «Ты попа того призови, – поучала Анна Салтыкова в одном из своих писем, – и на него покричи...»

Как вспоминает генерал-прокурор Сената Я.П. Шаховской, вид прибывшего с «гневным указом» Анны петербургского генерал-полицмейстера В.Ф. Салтыкова был зловещим. Он созвал чиновников и «весьма громким и грозным произношением (обязательная деталь указа «с гневом»! – Е.А) объявил нам, что Ее императорскому величеству известно учинилось, что мы должность свою неисправно исполняем, и для того приказала ему объявить свой монарший гнев и что мы без наказания оставлены не будем». Анна полагала,

что, содрогнувшись от крика и угроз, чиновники тотчас прекратят воровать, лениться и бессовестно обманывать просителей.

Летом 1738 года А.П. Волынский объявил в Кабинете министров, что Анна «при отшествии своем из Санкт-Петербурга в Петергоф изустным своим Высочайшим указом изволила объявить, что изволит шествовать в Петергоф для своего увеселения и покоя, поэтому Ее императорское величество о делах докладами не утруждать, а все дела им, кабинет-министрам, самим решать». И лишь «самые важнейшие» дела можно было докладывать самой императрице в Петергофе. Как и все русские самодержцы, Анна никогда не определяла круга своих обязанностей. Иначе был бы нарушен принцип самодержавия как власти, не имевшей границ. Не указывала она, и какие дела считать «самыми важнейшими», а какие менее важными. В определении степени важности и состояло искусство министров.

Кабинет министров был образован осенью 1731 года для «порядочного отправления всех государственных дел». Необходимость такого органа возникла сразу же после прихода Анны Иоанновны к власти и роспуска Верховного тайного совета. Еще в феврале 1730 года дворянский прожектер и историк Василий Татищев в своем проекте писал: «О государыне императрице. Хотя мы ея мудростию, благонравием и порядочным правительством довольно уверены, однакож, как есть персона женская, к таким многим трудам неудобна», а поэтому «потребно нечто для помощи Ея величеству вновь упредить.»

Именно это «нечто» в виде Кабинета министров и было создано в 1731 году. В новое учреждение вошли весьма доверенные сановники: Г.И. Головкин, А.И. Остерман, князь А.М. Черкасский, позже – П.И. Ягужинский, А.П. Волынский. Новое учреждение имело огромную власть – подписи его министров приравнивались к подписи императрицы, хотя только она была вправе решать, что взять на себя, а что поручить своим министрам. В Кабинете сосредоточивалась вся масса текущих дел, тех, что не могла и не хотела решать Анна. Это был рабочий орган управления государством. Кабинет был подобран довольно удачно: боязливые Головкин (умер в 1734 году) и Черкасский звезд с неба не хватали, но порученное дело делали. «Мотором» же учреждения был граф Остерман, несший основную тяжесть работы. Бирон не доверял Остерману – слишком двуличен он был, но, ценя деловые качества вице-канцлера, вынужден был с ним считаться. В виде противовеса Остерману фаворит включил в Кабинет Ягужинского – бывшего генерал-прокурора Петра I, человека прямого и резкого, а после его смерти в 1736 году – А.П. Волынского, сановника умного, честолюбивого и такого же горячего и резкого, как Ягужинский. Бирон надеялся, что Волынский не даст Остерману особенно развернуться и будет исправно доносить обо всех делах. Сам же Бирон демонстративно не входил в состав этого учреждения, оставаясь только обер-камергером, но без его ведения и одобрения в Кабинете не принималось ни одного важного решения. Министры, докладывая дела в апартаментах императрицы. Догадывались, что их слушает не только зевающая Анна, но и сидящий за ширмой фаворит. Именно ему принадлежало последнее слово. Он же подбирал и министров, и других чиновников. Пятого апреля 1736 года он озабоченно писал Кейзерлингу: «Ягужинский

умрет, вероятно, в эту ночь, и мы должны стараться заменить его в Кабинете...» Чиновники часами ждали приема у Бирона. Он мог сдвинуть с мертвой точки любое дело, никто не смел ему возражать. Но для успеха нужно было «подмазать». Нет, никаких взяток оберкамергер никогда не брал. Просто некоторые добрые люди делали ему подарки – породистого жеребца в конюшню, связку соболей или какое-то украшение для жены...

Если на минуту мы представим себе групповой портрет с императрицей, то он должен быть примерно таким. На фоне тяжелых «волн» малинового бархата строго и внимательно смотрит на нас несколько человек. Посредине в золоченом кресле сидит уже знакомая нам грузная, некрасивая женщина с маленькой короной в густых черных волосах и голубой лентой через плечо. Справа от Анны, держа ее за руку, стоит Бирон. Это красивый высокий человек с одутловатым, капризным лицом. Он одет как всегда – в ярком светлом кафтане с бриллиантовыми пуговицами и в пышном белом парике, длинные букли которого заброшены за спину. На воображаемом нами групповом портрете мы видим еще троих мужчин. Один из них – высокий, мужественный элегантный. Он стоит подбоченясь и небрежно держит в руке маршальский жезл. Это фельдмаршал Бурхард Христофор Миних.

В начале 1730 года он сидел в оставленном двором, угасающем Петербурге и подумывал, кому бы удачнее для себя продать свою шпагу, точнее – циркуль. Прекрасный инженер и фортификатор, сменивший до России четыре армии, он уже почти собрался в привычный путь ландскнехта на поиск счастья и чинов. И вдруг к власти пришла Анна, которой как раз и были нужны такие люди, как он, – не связанные с «боярами»-верховниками и дворянами-прожектерами, преданные служаки. И он начал рьяно служить, не очень задумываясь над моральными проблемами. Миних производил приятное впечатление на непроницательных людей, бывал обворожителен и мил. Его высокая сухощавая фигура была изящна и привлекательна. Но те, кто разбирался в людях, видели в Минихе фальшь и лживость. Но более всего в характере фельдмаршала было заметно безмерное честолюбие и самолюбование. Он мнил себя великим полководцем и, пребывая в этом своем заблуждении, понапрасну положил немало солдат в русско-турецкую войну 1735–1739 годов. В своих мемуарах Миних «скромно» признается, что слава его не имела пределов и что русский народ называл его «Соколом со всевидящим оком» и «Столпом Российской империи». Из дел же Тайной канцелярии известно, что солдаты прозвали его «живодером».

Несомненно, это был горе-полководец. Непродуманные стратегические планы, низкий уровень оперативного мышления, рутинная тактика, ведущие к неоправданным людским потерям, – вот что можно сказать о воинских талантах Миниха, которого от поражения не раз спасал счастливый случай или фантастическое везение. Вместе с тем у Миниха была редкостная способность наживать себе врагов. Он был классический склочник: где бы он ни появлялся, сразу же начинались ссоры и раздоры. Вначале обворожив и расположив собеседника к себе, он затем вдруг резко менял тон, оскорблял и унижал его. В 1736 году Анна была не на шутку обеспокоена состоянием находившейся в походе армии. Речь шла не о поражениях на поле боя. Страшнее турок казались склоки в штабе Миниха, носились слухи

о заговоре генералов против своего главнокомандующего. С трудом удалось погасить скандал в ставке русских войск.

Миниху скандалы были нипочем. Вернувшись в столицу, он всегда находил нужные слова, и императрица закрывала глаза на его пакости. Анна прекрасно знала, что, пока у нее есть Миних, армия будет в надежных руках, армия будет ее. В письмах к фельдмаршалу она не случайно называла его «Нам любезноверный». Он таким и был: ради монаршей милости и успешной карьеры он был способен на многое. Миних известен как автор доносов, как следователь по делам политического свойства. Циничный и беспринципный, он по негласному распоряжению Анны организовал за пределами России убийство шведского дипкурьера М. Синклера, совершил немало других преступлений, чтобы угодить повелительнице, получить награду.

Бирон довольно рано раскусил честолюбивые устремления ласкового красавца и стремился не дать Миниху войти в доверие к императрице. Фаворит, человек сугубо штатский, боялся проиграть в глазах Анны этому воину в блестящих латах собственной славы. Бирон не позволил Миниху войти в Кабинет министров, куда тот, естественно, рвался. Раз-другой столкнувшись с непомерными амбициями и претензиями Миниха, Бирон постарался направить всю огромную энергию фельдмаршала на стяжание воинских лавров преимущественно там, где они произрастали, то есть на юге, вдали от Петербурга. Посланный на русско-польскую войну 1733–1735 годов, Миних потом почти непрерывно воевал с турками на юге. Окончательно выскочить из степей на скользкий дворцовый паркет ему удалось лишь в 1740 году, и он-таки сумел ловко подставить ножку своему давнему благодетелю Бирону, арестовав его, правителя России, темной ночью 9 ноября 1740 года. Но об этом будет сказано чуть позже.

Еще один наш герой изображен на картине. Кажется, что он вот-вот нырнет за малиновую портьеру – так ему вреден яркий свет, так он не хочет быть на виду. Одет он неряшливо и некрасиво, но глаза у него умные и проницательные. Это вице-канцлер Андрей Иванович Остерман – одна из ключевых фигур аннинского царствования. Начав при Петре с должности переводчика, скромный выходец из Вестфалии постепенно вырос в фигуру чрезвычайно влиятельную на русском политическом Олимпе. Его отличала фантастическая работоспособность, и, по отзывам современников, он работал днем и ночью, в будни и праздники, чего ни один уважающий себя министр позволить себе, конечно, не мог. Огромный административный опыт помогал ему ориентироваться как во внутренней, так и во внешней политике. Особенно силен он был как дипломат. В течение по крайней мере пятнадцати лет он делал русскую внешнюю политику, и результаты этой деятельности для империи были совсем не плохи. Но Остерман был всегда одинок. Общение с ним было крайне неприятно. Его скрытность и лицемерие были притчей во языцех, а не особенно искусное притворство – анекдотично. Как правило, в самые ответственные или щекотливые моменты своей карьеры он заболел. Вдруг у него начиналась какая-нибудь подагра или другая плохо контролируемая врачами болезнь, и он надолго сваливался в постель, и вытащить его оттуда не было никакой возможности.

Не без сарказма Бирон писал в апреле 1734 года Кейзерлингу: «Остерман лежит с 18-го февраля и во все время один только раз брился (Андрей Иванович ко всему был страшный грязнуля даже для своего не особенно чистоплотного века. – Е.А.), жалуется на боль в ушах (чтобы не слышать обращенных к нему вопросов. – Е.А.), обвязал себе лицо и голову. Как только получит облегчение в этом, он снова подвергнется подагре, так что, следовательно, не выходит из дому. Вся болезнь может быть такого рода: во-первых, чтобы не давать Пруссии неблагоприятного ответа... во-вторых, турецкая война идет не так, как того желали бы». Но в своем притворстве Остерман знал меру: острый нюх царедворца всегда подсказывал ему, когда нужна, стеноя и охая, отправиться во дворец.

Анна весьма уважала Остермана за солидность, ученость и обстоятельность. Когда требовался совет по внешней политике, без Остермана было не обойтись. Нужно было лишь набраться терпения и вытянуть из него наилучший вариант решения дела, пропуская мимо ушей все его многочисленные оговорки, отступления и туманные намеки. Остерман устраивал Анну как человек, целиком зависимый от ее милостей. Иностранец, он хотя и взял жену из старинного рода Стрешневых, но, в силу своего нрава и положения, оставался чужаком в среде русской знати. Тем крепче он льнул сильнейшему. Вначале таким был Меншиков, которой Остерман предал ради Петра II и Долгоруких, затем, при Анне, он заигрывал с Минихом и долго добивался расположения Бирона, став его незаменимым помощником и консультантом.

Наконец обратимся к последнему персонажу нашего воображаемого группового портрета. Он стоит за креслом Анны, и кажется, что они о чем-то только что быстро переговорили, но тотчас замолчали, как только приглашенные вельможи заняли свои места перед художником. Да, у них была общая тайна: генерал, который при появлении Миниха, Остермана и Бирона тотчас отступил в тень, был нужен Анне, как и Остерман. Без преувеличения можно сказать, что начальник Тайной канцелярии генерал и граф Андрей Иванович Ушаков держал руку на пульсе страны.

Пожалуй, не было в Тайной канцелярии ни одного сколько-нибудь заметного дела, с которым бы, благодаря Ушакову, не знакомилась императрица. Конечно, она не читала многотомные тетради допросов и записи речей на пытке. Для нее готовили краткие экстракты, Ушаков приносил их императрице и, делая по ним обстоятельные доклады, покорно ожидал резолюции – приговора.

Ушаков был человеком опытным и, как положено людям его профессии, – незаметным. Начав гвардейцем-порученцем при Петре I, он прошел школу П.А. Толстого, помогая ему расследовать дело царевича Алексея и выполняя другие щекотливые поручения в Тайной канцелярии. В числе людей, стоявших ночью 26 июня 1718 года возле плачущего Петра, который давал распоряжение офицерам умертвить своего сына Алексея, стоял и Ушаков. В

1727 году Ушаков попал под следствие по делу Толстого – Девиера, был сослан, но к концу царствования Петра II вновь всплыл на поверхность – такие люди, как известно, не тонут и нужны всем режимам.

Ушаков был преданным служакой, хладнокровным, не сомневающимся исполнителем. Известно дело баронессы Соловьевой, которая, будучи в гостях у самого Андрея Ивановича, за обеденным столом на чем свет стоит ругала своего зятя и, между двумя блюдами, сказала, что тот написал какое-то оскорбительное для чести императрицы письмо. На следующий день гостя Ушакова была арестована, а все письма у нее и в семье ее зятя – крупного государственного чиновника – были изъяты. Граф Ушаков быстро понял вкусы и пристрастия Анны и умело им угождал. Это было нетрудно сделать. С одной стороны, императрица очень не любила своих политических противников или тех, кого таковыми считала, и преследовала их беспощадно, а с другой стороны – она обожала копаться в грязном белье своих иных, особенно тех, кто принадлежал к высшему свету. По делу Соловьевой, к примеру, Ушаков представил «на Веру выписки из писем ее зятя, в которых не было никакого политического криминала, но зато содержалось много «клубнички»: жалоб на непутевое поведение дочери баронессы, описание скандалов и дразг в семье и т. п. Все это было чрезвычайно интересно императрице.

Следует заметить, что дела, которые поступали к Анне из Тайной канцелярии, не оставляли у императрицы никаких сомнений в том, что русский народ совсем не боготворит ее а даже наоборот, имеет о ее персоне и ее правлении самое неблагоприятное мнение. В десятках дел идет речь об одном и том же: у власти женщина – значит, скоро Россия погибнет, «баба государством управлять не может, так как бабой родилась» и множество вариантов на тему: «У бабы волос длинен, а ум короткий». Много было в производстве дел людей, обсуждавших «проблему телесной близости» императрицы с Бироном или высказывавших пожелание возлечь в постель с императрицей. А сколько было людей, которые оказались в Тайной канцелярии за глупый тост, произнесенный за праздничным столом: «Да здравствует Ее императорское величество, хотя она и баба!» Анна спокойно относилась к такой критике – себе цену она знала, но всем, кто болтал о таких вещах, приказывала резать языки беспощадно, ибо была убеждена – нравы исправляются страхом.

Царствование Анны некоторыми историками представлялось как беспредельное господство немцев в России: даже на нашей воображаемой картине из четверых первейших лиц государства трое по происхождению – немцы. Действительно, среди правящей верхушки времен Анны было немало немцев, но почти все они уже давно жили в России. Двери страны для иностранцев широко раскрыл еще Петр Великий. По-разному складывались судьбы тех, кто приезжал в Россию. Одни, заработав деньги, уезжали домой, другие оставались в России, прирастали к этой земле. Среди них были не только ученые Академии наук, но и военные, инженеры, художники, артисты, врачи. Многие из них были талантливы и даже гениальны. В этом длинном ряду архитекторы итальянцы Доменико Трезини, отец и сын Растрелли, немец, гениальный математик Леонард Эйлер, француз-астроном Никола-Жан Делиль, датчанин-мореплаватель Витус Беринг. Здесь упомянуты немногие из тех, кто

жил во времена Анны, и речь не идет о тех, кто прославился в другие времена русской истории. Немало иностранцев и среди чиновников, политиков, придворных. Из них почти все, кроме Бирона, еще задолго до 1730 года приехали в Россию: Остерман, Миних давно находились на ключевых местах в управлении империей. Нужно учесть также, что Анна, столкнувшись в начале своего царствования с попыткой ограничить ее власть, поняла, что нужно набрать команду только из надежных людей – таких, на кого она может положиться. Это так естественно для каждого правителя. Ставка на иностранцев, слабо связанных с «боярами» и дворянами, в этом смысле также естественна.

Говоря о некоем «немецком засилье» в России времен Анны, забывают, что в первых рядах, вместе с немцами, оказалось немало и русских: Ягужинский, Феофан Прокопович, Волынский, Ушаков, Черкасский. Никакой особой «немецкой партии» при дворе Анны не существовало. Немцы никогда не были едины. В борьбе за привилегии, пожалования, власть курляндец Бирон, ольденбуржец Миних, вестфалец Остерман, лифляндцы Левенвольде готовы были перегрызть друг другу горло. «Клубок друзей» у подножия любого трона всегда без национальности. Вот как испанский посланник де Лириа характеризует одну из ключевых фигур начала аннинского царствования графа К.Г. Левенвольде: «Он не пренебрегал никакими средствами и ни перед чем не останавливался в преследовании личных выгод, в жертву которым готов был принести лучшего друга и благодетеля. Задачей его жизни был личный интерес. Лживый и криводушный, он был чрезвычайно честолюбив и тщеславен, не имел религии и едва ли даже верил в Бога». То же самое можно сказать о многих, тесной толпой окружавших трон, будь то русские или иностранцы. Об отсутствии какого-то заграничного влияния на курс правительства Анны свидетельствует много фактов. Так, внешняя политика при Анне в сравнении со временами Петра Великого не претерпела существенных перемен и уж никак не была отступлением от его имперских принципов. Наоборот, можно говорить лишь о развитии этих принципов. В 1726 году, благодаря усилиям Остермана, Россия заключила союз с Австрией. Ось Петербург – Вена придала устойчивости внешней политике России: в основе союза лежали долговременные интересы войны с Турцией на юге, а также общность интересов в Польше и Германии. Так было нацупано центральное направление внешней политики, и Россия следовала ему весь XVIII век.

Тридцатые годы, то есть эпоха Анны, не выпадали из этого ряда. Именно в эти годы был сделан серьезный шаг к будущим разделам Польши. Первого февраля 1733 года Умер шестидесятичетырехлетний польский король Август II. Польше началось «бескорольевье» – отчаянная борьба за власть. Эта борьба контролировалась согласованными действиями России и Австрии. Союзники «оберегали» дворянскую демократию Речи Посполитой, чтобы не дать усилиться королевской власти, а значит, и польской государственности. Ситуация осложнялась тем, что в борьбу за престол ввязался некогда изгнанный из Польши Петром I экс-король Станислав I Лещинский. Заручившись поддержкой зятя – французского короля Людовика XV, он приехал в Польшу. Россия отреагировала решительно и бескомпромиссно: «По верному нашему благожелательству к Речи Посполитой и к содержанию [в] оной покоя благополучия и к собственному в том натуральному великому интересу [избрания

Станислава] никогда допустить не можем». Таков был окончательный вердикт русского правительства. Срочно к польской границе была двинута русская армия.

Тридцать первого июля русские войска с двух направлений вторглись в Польшу, а в августе их примеру последовали австрийцы. Союзникам не удалось предотвратить выборы Станислава на собрании всей польской шляхты, но почти сразу же вновь избранный король бежал в Гданьск – к Варшаве подошли войска русского генерала Петра Ласси. Вольный город дал убежище Станиславу, рассчитывая на приход французской эскадры с десантом. Расчет оказался неверен – превосходство русских и австрийцев оказалось подавляющим. Началась осада Гданьска. Ласси был заменен Минихом. В мае 1734 года французы высадились на берег и почти сразу же были смяты русскими войсками, после чего французский флот покинул Балтику.

В конце июня Гданьск сдался, Лещинский же накануне бежал в крестьянском платье за границу. К этому времени в Польше полыхала гражданская война. Сторонники России, поощряемые деньгами, поспешно избрали на польский трон сына покойного короля Августа II. Новый король Август III, поддержанный русским корпусом, начал борьбу со сторонниками Станислава. Противники жгли, разоряли города и села, убивали и грабили их жителей. К осени 1734 года, опираясь на русские штыки, Август III взгромоздился на польский трон. Отныне стало ясно, что судьба польской государственности уже мало зависит от самих поляков. Россиян Австрия в этой войне, называемой войной «за польское наследство», сделали решительный шаг к будущему разделу этого принадлежащего только полякам наследства.

Результатом успешной польско-русской войны 1733–1734 годов стало еще одно «приращение» к Российской империи. Война резко ослабила Польшу – сюзерена Курляндии, и Бирон, несмотря на ворчание Пруссии, спокойно прибрал к рукам курляндскую корону. С этого момента Курляндия перестала быть спорной территорией – для всех стало ясно: ее хозяева сидят в Петербурге. И когда в 1762 году к власти пришла Екатерина II, она вернула герцогскую корону Бирону – в его лояльности России не приходилось сомневаться: Курляндия была наша!

Осенью 1735 года Россия неожиданно начала войну против Турции. В XVIII веке это была вторая, после Прутского похода 1711 года, русско-турецкая война. А всего же за два века противостояния с 1676-го по 1878 год турки и русские проливали кровь друг друга в одиннадцати войнах. Это была борьба за господство над Черным морем, Балканами, Кавказом, за торжество одной веры над другой. Борьба с «неверными» за расширение земель ислама для одних для других была борьбой с «басурманами», за изгнание их из Константинополя, который к тому времени уже для доброго десятка поколений турок был родным Стамбулом.

Главнокомандующий русской армии Миних составил план войны, которая через четыре года должна была увенчаться триумфальным вступлением русских войск в Константинополь и водружением креста на храм Святой Софии – поруганной святыни православия. Как и много раз позже, жизнь показала нереальность подобных планов, хотя начало войны было успешным – весной 1736 года сдалась сильная крепость в устье реки Дон – Азов, и в мае наступил черед вассала Турции – Крымского ханства. Русские войска через Перекоп вторглись на Крымский полуостров.

Русские войска беспрепятственно углубились в Крым, татары отступили в горы, запылали крымские аулы и города, был разграблен и сожжен великолепный ханский дворец в столице Крымского ханства городе Бахчисарае. Но вскоре повальная смертность от дизентерии, жары, недоедания стала опустошать ряды русской армии, и она поспешно покинула Крым, устилая путь трупами своих солдат. Впоследствии, в ходе войны, русские еще дважды вторгались в Крым, уничтожая все, что не удалось уничтожить в первый раз. В военных действиях против турок, которые развернулись в Причерноморье и Молдавии, преимущество было на русской стороне.

Но война все же шла не по плану Миниха. Потери были огромны – не менее ста тысяч человек, причем люди гибли не под пулями турок и стрелами татар, а от болезней, от непривычно жаркого климата. Ведение боевых действий не было продумано, снабжение солдат – из рук вон плохо. Миних не сумел приспособиться к особым условиям войны на юге, не щадил солдат, которые, повинувшись указам фельдмаршала, двигались по степи в огромном кипе и от жары, пыли, усталости и голода замертво падали в строю. Но самым серьезным недостатком Миниха было полное неумение использовать результаты достигнутых побед. Все завоеванные крепости (кроме Азова) пришлось оставить, каждая кампания начиналась не с завоеванных рубежей, а из глубокого тыла.

Не были согласованы военные действия со вступившей в войну Австрией. Неудачной оказалась и дипломатическая работа. На мирном конгрессе 1738 года в маленьком украинском городе Немирове Россия предъявила туркам чрезмерные территориальные требования, и переговоры сорвались. Белградский мир 1739 года, заключенный от имени России французскими дипломатами, не был победоносным. Россия получила лишь Азов, некоторые территории на Украине и надежды на будущий успех в новой войне за Черноморское побережье, так как южное направление имперской политики с той поры стало наиболее перспективным и многообещающим для России.

Теперь коснемся внутренних дел, для императрицы невыносимо скучных. Принципы внутренней политики были сформулированы под сильным влиянием событий начала 1730 года, точнее – под воздействием дворянского движения. Пойти на политические уступки дворянству и поделиться с ним властью царица, разумеется, не могла, но и не учитывать их многочисленных претензий к самодержцу также не решилась. Это и определило направление внутренней политики на 30-е годы XVIII века. Именно тогда российскому

дворянству, которое, если следовать рассуждениям обличителей режима немецких временщиков, должно было стонать под игом иностранных эксплуататоров, начали делать такие послабления, о которых при Петре Великом было трудно и помыслить. Для начала в 1732 году по инициативе немца Миниха русские офицеры были уравнены в жалованье с иностранцами – ведь раньше русские на тех же должностях получали денег в два раза меньше.

В 1736 году вышел указ, который, по мнению С.М. Соловьева, «составил эпоху в истории русского дворянства». Указ отменял прежние петровские тягостные для дворян условия пожизненной службы. Теперь дворянин мог до двадцати лет прохлаждаться дома, а не тянуть, как при Петре, солдатскую лямку с четырнадцати – пятнадцати лет. По новому закону срок службы дворянина был ограничен двадцатью пятью годами, более того – дворянин мог оставить одного из своих сыновей дома «для ведения хозяйства».

Это была подлинная революция в служилых обязанностях русского дворянина. Теперь он мог поступить в организованный в 1731 году Минихом Кадетский корпус и по окончании его выйти офицером, не проходя долгого и мучительного солдатства в гвардии. Еще благоприятнее для дворян были указы 1730-го и 1731 годов. Они отменяли петровский указ о единонаследии, по которому право получать отцовское наследство имел только старший сын, а все остальные должны были искать средства для жизни на службе. Теперь, при Бироне, этот крайне тягостный для дворян петровский закон был отменен. Тем самым были сняты важные ограничения с распоряжения земельной собственностью. Эти указы расширяли права дворян, приближали их к знаменитой грамоте о вольности российского дворянства 1762 года.

В эти годы не пошатнулось и экономическое положение России. Наоборот, во времена Анны и Бирона оно продолжало улучшаться. Если в 1720 году Россия выплавляла десять тысяч тонн чугуна (а Англия – семнадцать тысяч), то в 1740 году выплавка возросла до двадцати пяти тысяч тонн (а в Англии – до семнадцати тысяч трехсот). Выплавка чугуна на Урале с 1729-го по 1740 год выросла с двухсот пятидесяти трех до четырехсот десяти тысяч пудов, вывоз железа за аннинское время увеличился более чем в пять раз, а хлеба – в двадцать два раза. Резко увеличились и объемы торговли через Петербург и другие порты.

В 1739 году было принято новое горно-промышленное законодательство – Берг-регламент, над которым работал саксонский специалист Шемберг. Этот закон резко стимулировал промышленное предпринимательство, началась массовая приватизация казенной промышленности – путь, по которому в конце своего царствования пошел Петр I. В целом экономика, построенная Петром 1 на преимущественном использовании крепостного труда, во время Анны продолжала развиваться, укрепляя самодержавный режим и всю структуру социальных отношений.

Тридцатые годы XVIII века стали временем оживления Петербурга: он опять стал столицей, и это способствовало его процветанию. В царствование Анны строительству столицы уделялось внимания не меньше, чем при Петре. Для Анны город стал тем же, чем и для других Романовых, – резиденцией, парадным фасадом империи. Ни денег, ни сил для его украшения не жалели. Шумны были его улицы и площади. Особенно оживленной была Нева – ее заполняли сотни судов и лодок. Сверху по реке, от Ладожского озера, везли в столицу бесчисленные товары – богатство России, а с Запада в Неву входили суда разных стран, чтобы пристать к причалам торгового порта.

Неподалеку от него, на Неве, в треугольнике между Стрелкой Васильевского острова, Петропавловской крепостью и Зимним дворцом, на этой огромной, созданной самой природой водной площади, устраивались зимой на льду молебны у проруби в день Водосвятия, проводились парады армии, фейерверки, празднества, народные гулянья. Летом водная площадь пестрела флагами, парусами и цветными бортами кораблей и лодок. Столица всегда пышно отмечала утвержденные законом и принятые Православной Церковью праздники, и небо над городом блистало от фейерверочных огней. С высокого балкона на народное веселье и огненное великолепие в небе, на весь этот город благосклонно смотрела высокая, тучная женщина в роскошной царской шубе. Ее жизнь была уже навсегда связана с этим городом, с этими берегами...

Истинным украшением города была Академия наук. В сущности, самой Анне наука была не нужна. Она отлично бы обошлась и без Академии, но ее завел в России Петр, и Академия добавляла престижа власти императрицы. Наконец, Анна видела, что и от ученых бывает польза: они могут наладить лесопильную мельницу на верфи, найти руды, устроить праздничный фейерверк, составить карту России. А какие интересные вещи можно увидеть в телескоп! Например, кольца на Сатурне или пятна на Луне. С огромным удовольствием императрица посещала и Кунсткамеру, рассматривала диковинные коллекции, доставленные экспедицией Мессершмидта из Сибири, трогала таинственные окаменелости, с замиранием сердца крутилась, сидя на скамеечке, внутри сферы гигантского Готторпского глобуса, видя вокруг себя и под собой звездную карту вселенной. С брезгливостью и любопытством – уже в который раз! – Анна рассматривала коллекцию препарированных и заспиртованных человеческих органов, зародышей – знаменитая коллекция Рюйша.

С немалой опаской императрица проходила мимо «восковой персоны» Петра Великого. Ее сразу после смерти царя сделал по точным меркам с покойного скульптор К.Б. Растрелли. И теперь, одетая в подлинный костюм Петра, с настоящими волосами на голове и с лицом – гипсовой маской, эта кукла возбуждала в царице страх и беспокойство – дядя-император никогда не был к Анне особенно добр. Для Анны, как и для многих современников, наука имела преимущественно прикладное, развлекательное значение. Сама императрица, хотя и смотрела в телескоп и каталась внутри Готторпского глобуса, вряд ли разделяла гелиоцентрическую концепцию мироздания Коперника. Наука наукой, а по поводу пойманной колдуньи Агафьи Дмитриевой императрица подписала особый указ: собрать комиссию и проверить – сможет ли колдунья, как она утверждает, превратиться в козу или

собаку. При Анне сжигали живьем на кострах людей, заподозренных в колдовстве, принявших иудаизм или мусульманство.

По-своему любила императрица и литературу. Ей явно мало было одних сказок и былин, которые рассказывали и пели длинными вечерами специально привезенные во дворец сказочники. Анна приблизила ко двору поэта В.К. Тредиаковского и слушала его переводы классики. Судьба его была замечательна и трагична. Он был первым русским выпускником Сорбонны и еще долго потом с грустью вспоминал «милый берег Сенской». Обладая ярким интеллектом, образованностью, он писал стихи, переводил своих западных современников и древних поэтов, был крупнейшим теоретиком стиха. Но при дворе Анны его знания и талант были не нужны - этого никто даже не понимал. В Тредиаковском видели лишь версификатора, который может сочинить надпись на триумфальной арке, написать оду или гимн к официальному празднику. Писал он также, по заданию царицы, непристойные стихи.

Аннинская эпоха жестоко и несправедливо обошлась с одним из первых русских поэтов нового времени. Слабый и беззащитный, он не сумел занять достойное место в жизни, стал сварливым неудачником, нудным жалобщиком, его болезненно терзали критики, над ним потешалась публика, ни во что не ставили придворные и лакеи. Прошло немного времени – и новые, более броские, талантливые поэты Александр Сумароков и Михаил Ломоносов безжалостно отобрали у Тредиаковского пальму поэтического первенства.

Науки и искусства были приятны императрице, но доклады начальника Тайной канцелярии Ушакова все же были для нее интересней. В конце 30-х годов Анна отрывалась даже от охоты, чтобы их послушать. Дело в том, что наступило время, когда злопамятная Анна решила посчитаться со своими главными обидчиками – верховниками 1730 года. Первый удар был нанесен главе Верховного тайного совета тех времен князю Д.М. Голицыну. В 1736 году его, старого и больного человека, привлекли к суду, приговорили к смертной казни. Императрица помиловала старика и назначила ему вечное заточение в Шлиссельбургской крепости, где он протянул только до весны 1737 года.

В 1738 году наступила очередь других обидчиков Анны – князей Долгоруких. Выше уже говорилось о том, что Долгорукие – фаворит Петра II Иван Долгорукий, его отец князь Алексей с детьми сразу же после прихода Анны к власти были сосланы в дальнюю от Москвы пензенскую деревню. По дороге обоз Долгоруких нагнал гвардейский офицер и по личному распоряжению императрицы отобрал у всех Долгоруких ордена, награды, драгоценности. Не успели сосланные разместиться в назначенном им для ссылки селе, как пришло новое несчастье. Вот как описывает это жена Ивана княгиня Наталья Борисовна: «Взглянула я в окно, вижу пыль великую по дороге, видно издалека, что очень много едут и очень скоро бегут». Это, по новому указу Анны, прибыл отряд солдат, чтобы арестовать Долгоруких и везти их в Сибирь...

Здесь нельзя не рассказать о княгине Наталье Борисовне – женщине замечательной и яркой. Незадолго до смерти Петра II, осенью 1729 года, к ней, пятнадцатилетней дочери покойного фельдмаршала Б.П. Шереметева, посватался фаворит Петра II Иван Долгорукий. О нем по столице ходила дурная слава развратника, пьяницы, гуляки. Но это не остановило юную графиню. Она сразу без памяти влюбилась в князя Ивана – ловкого, знатного красавца в мундире майора Преображенского полка. Она заворожено слушала его сладкие речи и сразу же, не раздумывая, дала согласие стать его женой. Накануне Рождества 1729 года во дворце Шереметевых состоялся торжественный обряд обручения Ивана и Натальи в присутствии царя, двора, многочисленных родственников. Наталья была счастлива, пребывала в голубых мечтаниях о будущей безоблачной жизни. Дело быстро шло к свадьбе, которую решили сыграть в январе 1730 года. Но помешала смерть Петра II.

Родственники невесты стали советовать Наташе расторгнуть помолвку, вернуть жениху кольцо. Но неожиданно они встретили отпор со стороны этой хрупкой девушки, еще почти ребенка – она сочла невозможным для себя изменить слову и бросить любимого человека в беде. Тяжелая жизнь в Березове продолжалась восемь лет. В 1738 году на И.А. Долгорукого донес местный чиновник Тишин. Он сообщал в Петербург о предосудительных разговорах ссыльных, об их достаточно свободном поведении и дружбе с местными жителями. Этого было достаточно, чтобы Анна приказала вывезти Ивана, его братьев и дядьев в Шлиссельбург. Начались пытки, князь Иван рассказал о составлении фальшивого завещания Петра II и других событиях 1730 года. Если бы не показания дрогнувшего на дыбе Ивана, дело Долгоруких не закончилось бы таким кровавым исходом. Восьмого ноября 1739 года Иван, его дядья Сергей и Иван Долгорукие, а также В.Л. Долгорукий были казнены в Новгороде по приговору суда. Остальные родственники были сосланы на Тихий океан, а женщины – пострижены в сибирские монастыри. Лишь через много месяцев с ужасом узнала княгиня Наталья о мученической гибели своего мужа.

Не менее драматично сложилась судьба и другой узницы по делу Долгоруких – несчастной невесты Петра II Е.А. Долгорукой, сосланной вместе с семьей в Березов. В декабре 1740 года архимандрит Алексеевского монастыря в Томске Лаврентий получил указ постричь присланную под конвоем неизвестную никому «девку Катерину», держать ее в соседнем женском монастыре под крепким караулом, не допуская никаких ее контактов с внешним миром. Этой «девкой Катериной» была княжна Долгорукая, которой исполнилось двадцать восемь лет.

Предыдущие десять лет она провела в Березове. Родным с ней было нелегко жить – обиженная на свою судьбу, она вымещала свое раздражение на ближайших родственниках, особенно на отце – инициаторе брака Екатерины с Петром II. Все долгие годы убогой жизни в ссылке Катерина была в отчаянии. У нее не было того, что согревало жизнь в Березове княгине Наталье Долгорукой, – любви, семьи, детей. Однажды она с ужасом обнаружила, что ее расположения добивается местный пьяница – канцелярист Тишин. Когда она отвергла этого кавалера, а брат Иван крепко вздул нахала, Тишин отомстил всем Долгоруким – он написал на них донос. И вот, после казни родственников, Катерина

оказалась в Томске. Ее насильно постригли. Освобождение пришло через год – в конце 1741 года, когда бывшая невеста Петра II вернулась в Петербург.

Казнь Долгоруких в 1739 году произвела тяжелое впечатление на русское общество. Всем было ясно, что кровавая расправа с одним из знатнейших русских родов была вызвана не реальной опасностью, которая грозила императрице от сибирских ссыльных, а ее злопамятностью, жаждой мести за все унижения, которым она, курляндская герцогиня, вдова, подвергалась со стороны Долгоруких и им подобных. Мстительность и подозрительность были неотъемлемыми чертами характера императрицы и проявились еще задолго до кровавого дела Долгоруких.

Не успели утихнуть разговоры о казни Долгоруких, как началось новое политическое дело уже в самом Петербурге, которое не на шутку обеспокоило подданных Анны. Началось оно зимой 1740 года, когда, накануне знаменитого праздника Ледяного дома, произошел неприятный инцидент, имевший серьезные последствия для одного из его участников. Кабинет-министр Анны А.П. Волынский зверски избил в приемной Бирона поэта Третьяковского, который пришел жаловаться герцогу на самоуправство Волынского. Эта история стала последней каплей, переполнившей чашу терпения фаворита императрицы.

Он уже давно заметил, что Волынский, обязанный ему карьерой и ранее преданный слуга, все больше и больше отдаляется от патрона, перестал быть благодарным и почтительным. Такие гордые и честолюбивые люди, как Волынский, не долго ценят тех, кто помог им взбежать по служебной лестнице. Став благодаря усилиям Бирона в 1738 году членом Кабинета министров, Волынский был недоволен своей зависимостью от фаворита, который как раз и рассчитывал приобрести в правительстве своего надежного человека.

Волынский, инициативный и опытный администратор, начавший при Петре службу солдатом в гвардии, быстро выдвинулся и стал одним из главных докладчиков у Анны. Это, в свою очередь, не понравилось Остерману, державшему Кабинет в своих руках. Ссоры Волынского с вице-канцлером стали регулярными, и хитрый Остерман только ждал момента, чтобы подставить ножку своему молодому и горячему коллеге. Эта возможность представилась после инцидента с Третьяковским.

Следствие, которое вел послушный Ушаков, особенно детально занялось не побоями Третьяковского, а вечеринками, которые случались в доме вдового Волынского. На них к кабинет-министру съезжались его давние друзья, среди которых были крупные чиновники – Платон Мусин-Пушкин, Андрей Хрущев, моряк Федор Соймонов, архитектор П. Еропкин. Как и часто бывало в кружке друзей, они обсуждали текущие политические события, а потом Волынский стал читать им части своего проекта «О поправлении государственных дел» – документа, который включал в себя предложения и рекомендации по улучшению системы

управления, экономики, политики. Именно этот проект стал главной уликой против Волынского, обвиненного в антигосударственной деятельности.

Анна, ценя своего толкового докладчика, долгое время не решалась выдать его Тайной канцелярии, но Бирон был неумолим и решительно потребовал у царицы убрать строптивного министра. Анна неохотно согласилась на требования фаворита, но потом по привычке втянулась в расследование, читала допросы Волынского и его друзей и даже сама стала давать указания следователям и писать вопросы для Волынского.

С 7 мая 1740 года начались пытки Волынского и его приятелей. Под пытками вынудили Волынского признать, что он хотел с помощью заговора сам занять русский престол. Артемий Волынский сначала просил о помиловании, плакал, валялся в ногах следователей, но перед лицом смерти разительно изменился: он брал всю вину на себя, ни на кого не сваливал обвинения, вел себя достойно и мужественно. Двадцатого июня суд приговорил Волынского к посажению на кол, а его шестерых приятелей – к четвертованию, колесованию и другим лютым казням.

Кто вынес этот приговор? Вовсе не Бирон или Остерман – иные руководители следствия. Волынского судили знатные русские вельможи: фельдмаршал И.К. Трубецкой, А.М. Черкасский, сенаторы, генералы, почти все – приятели и гости хлебосольного дома Волынского. Приходя к нему в дом, они наверняка гладили по голове Анну – двенадцатилетнюю дочь Волынского. А 20 июня 1740 года они же приговорили ни в чем не повинную девочку к ссылке в Сибирь и насильственному пострижению в дальнем монастыре.

Анна, как и раньше в подобных случаях, оказала милость: Волынскому лишь вырезали язык и отсекли голову на торговой площади. Отсекли головы П. Еропкину и А. Хрущеву. Остальных били кнутом и сослали на каторгу. В день казни Анна была в Петергофе и осталась довольна охотой.

Восемнадцатого августа 1740 года произошло важное, долгожданное событие: у принцессы Анны Леопольдовны, племянницы императрицы Анны, и ее мужа, принца Антона Ульриха, родился мальчик. Его назвали Иваном. Все были убеждены, что именно он будет наследником престола, но полагали, что ему придется долго ждать. Здоровье Анны было отменным и, как незадолго до смертельной болезни императрицы писал прусский посланник А. Мардефельд, «все льстят себя надеждой, что она достигнет глубокой старости». Но 5 октября он же сообщил, что с Анной случился приступ болезни, кровавая рвота и что «состояние ее здоровья стало ухудшаться все более и более». Известно было, что Анна давно страдала почечнокаменной болезнью, и осенью 1740 года, возможно от увлечения верховой ездой, произошло обострение, камни в почках сдвинулись (при

вскрытии врачи обнаружили, что они напоминают развесистый коралл), началось омертвление почек. Анна, жестоко страдая от болей, слегла в постель, и к этому добавилась, как писал Мардефельд, истерика. Это состояние страха возникло, возможно, в связи со странным происшествием, случившимся ночью во дворце незадолго перед смертью Анны.

Дежурный гвардейский офицер, несший караул во дворце ночью, вдруг заметил в темноте тронного зала фигуру в белом, чрезвычайно схожую с императрицей. Она бродила по залу и не откликалась на обращения к ней. Бдительному стражу это показалось подозрительным – он знал, что императрица пошла спать. То же подтвердил поднятый им Бирон. Фигура между тем не исчезала, несмотря на поднятый шум. Наконец разбудили Анну, которая вышла посмотреть на своего двойника. «Это моя смерть», – сказала императрица и ушла к себе.

И смерть действительно вскоре пришла за ней. Семнадцатого октября 1740 года, прожив сорок семь лет и процарствовав десять, Анна умерла. Умирая, она до самого конца смотрела на стоящего в ее ногах и плачущего Бирона, а потом, по словам английского посланника Э. Финча, сказала: «Небось!»

Е. Анисимов